

Фантазии мужчины средних лет

Автор:

Анатолий Тосс

Фантазии мужчины средних лет

Анатолий Тосс

Может быть, самые неожиданные, самые «живые» фантазии, которые вы когда-либо встречали.

«Фантазии мужчины средних лет» – это книга о том, как научиться любить принципиально по-новому. Как открыть в себе те качества, о существовании которых даже не подозреваешь, но которые кардинально изменят представление о любви, как о «чувстве» и как о «процессе». А заодно изменят представление и о нас самих, и о людях нас окружающих, и о мире в целом. Ну а если взглядеться пристальней, то выяснится, что порой фантазии не так уж далеки от реальности. Особенно если это ФАНТАЗИИ МУЖЧИНЫ СРЕДНИХ ЛЕТ...

Анатолий Тосс

Фантазии мужчины средних лет

Часть первая

Трансформация

Я не уверен, в какой именно момент я обратил на Него внимание. Уже позже, заново прокручивая в голове, словно короткометражный фильм, кадры недавно

произошедшего, я понял, что Он поджидал меня недалеко от подъезда. Когда я вышел из дома во двор, Он стоял у щита для объявлений, на котором на легком ветру трепыхались небрежно приколотые, полинявшие бумажные лоскутки, и делал вид, что внимательно их читает. Повторяю, я не обратил на Него внимания и потому, беспечно пройдя арку насквозь, вышел на бульвар.

Был весенний полдень, мягко светило солнце, прибавляя неспешному людскому потоку чуточку беспечности и лени. Только приблизившись к Тверской, я ощутил непривычную скованность собственного шага. Не знаю, как правильно объяснить, но ноги будто отяжелели, стали неуклюжими, походка сбилась – из легкой, привычной выродилась в несуразную, принадлежащую кому-то другому, не мне. И вообще возникло ощущение беспокойства, будто я стою под струей в душе и чувствую, что за мной подглядывают. Не знаю кто, не знаю откуда, через какую щель, но точно понимаю, что подглядывают.

Что мое личное, только мне принадлежащее пространство взломано, лишено целостности.

Я непроизвольно оглянулся. На бульваре было не так уж много народу, метров двадцать позади и чуть в стороне молодой мужчина, невысокий, крепко сбитый, в легкой спортивной куртке, джинсах, кроссовках, как-то слишком быстро отвел взгляд и сосредоточенно стал разглядывать проезжающие мимо автомашины. Я даже успел заметить, что он нечисто выбрит, рыжеватая щетина пачкала щеки грязноватой накипью. Наконец я оторвал от него взгляд и двинулся дальше. Дойдя до Тверской, я повернул направо в сторону Охотного Ряда и, прошагав еще метров тридцать, снова неожиданно, резко обернулся – оказалось, что мужчина свернул с бульвара вслед за мной. Это было подозрительно.

Хотя, с другой стороны, никаких доказательств, что за мной следят, у меня не было – подумаешь, человек свернул с бульвара на Тверскую? Мало ли кто сворачивает на Тверскую.

Проще всего было проголосовать, остановить первую попавшуюся машину и укатить, оставив незнакомца на перенасыщенной яркостью апрельской улице. Я подошел к парапету, поднял было руку, но тут заметил, что шнурок на моем левом ботинке развязан. Пришлось присесть на корточки, повозиться, смастерить аккуратные бантики.

И в этот момент боковым зрением я заметил медленно ползущую вдоль тротуара машину, недалеко, метрах в сорока – она слишком резко контрастировала с мчащимся без разбора, удалым автомобильным потоком. Небольшую потрепанную иномарку можно было принять за ищущую очередного клиента «левую тачку», если бы тут же без всякой очевидной причины тачка не затормозила и не остановилась, не доезжая до меня метров пятнадцать. Я скосил глаза и обнаружил, что спортивный парень с рыжеватой щетиной тоже задержался у витрины какого-то женского, совершенно не подходящего для него магазина. И хотя он стоял к проезжей части спиной, я вдруг почувствовал, что они между собой связаны – парень в короткой куртке и подозрительная машина с сильно, теперь я разглядел и это, затемненными окнами. Будто какая-то незримая, но прочная нематериальная нить протянулась между ними.

Я снова скосил глаза, пригляделся. И вправду, человек у витрины поднес руку к лицу, будто загораживал глаза от навязчивого солнца, но так, что оттопырившийся рукав короткой куртки оказался как раз на уровне его губ. И они – губы его, я готов был побиться об заклад, шевелились, и получалось, что он наговаривает что-то внутрь оттопыренного рукава. Я такой прием видел не раз в детективных скороспелых сериалах, когда вездесущий детектив отдает приказания своим подручным через спрятанный в рукаве передатчик. В данном случае и догадываться было ни к чему – детектив ли следовал за мной или нет – значения не имело, главное, что он действительно передавал какие-то указания шоферу притормозившей у тротуара иномарки. И указания эти, без сомнения, имели отношение ко мне.

Я впервые попал в подобную ситуацию – никто за мной никогда не следил, не преследовал, мне никогда прежде не приходилось уходить от погони. Может, разве, мальчишкой убегал от великовозрастной шпаны, когда опасность полномасштабного избиения нависала над моей детской фигуркой тяжело и отчетливо. Да и всего пару раз убегал, не больше. Так что ни привычки, ни навыка уходить от слежки, тем более натренированной, профессиональной, у меня не было.

Но тут, на Тверской, под пристальным прицелом следящих за мной глаз, я не почувствовал ни страха, ни растерянности. Наоборот – азарт. Как будто мне предложили сыграть в какую-то увлекательную игру из детства, современные «казаки-разбойники» – ты убегаешь, они догоняют. Убежал – выиграл, поймали – проиграл. Вот только непонятно, какой приз за победу. Свобода, а может быть, жизнь? Я не собирался узнавать. План созрел мгновенно, простой, но

отчетливый.

Я затянул потуже узел на шнурке одного ботинка, не спеша перевязал шнурок на другом. Потом так же, не спеша, поднялся на ноги и, как ни в чем не бывало, побрел вниз по улице, вразвалочку, возможно, даже утрированно беспечно, показывая всем своим видом, что ничего я не заметил, никакой слежки, никакой опасности. Краем глаза я все же успел заметить, что подозрительный мужик с рыжеватой щетиной и спортивной фигурой моментально оторвался от витрины магазина и снова двинулся за мной. Да и машина с затемненными окнами тоже отъехала от тротуара и неторопливо завертела всеми своими четырьмя потертыми колесами.

План был такой: метрах в двухстах ниже по улице находился подземный переход, ведущий, как переходу и полагается, на противоположную сторону Тверской. В него я и собирался заскочить на всей скорости и, промчавшись по его темному, сырому от не высохших луж нутру, выскочить прямо у книжного магазина «Москва». Для тех, кто не знает, поясню: магазин «Москва» расположен на первом этаже длинного, растянувшегося на целый квартал здания, несколько входных дверей ведут в разные отделы магазина, самая левая дверь находится на расстоянии ста метров от самой правой двери. А может быть, и ста пятидесяти. Расположение залов в магазине я знаю отлично, я часто бываю в нем, с удовольствием роюсь в художке, да и в букинистический отдел нередко заглядываю.

Итак, я рванул. Ноги несли меня сами, я давно не бежал так прытко, отдаваясь полностью бегу, наверное, со студенческих времен, когда бегал кроссы, сдавая зачет по физкультуре. Только добежав до перехода, мне удалось оглянуться, всего на секунду, на мгновение, но и его хватило, чтобы разглядеть, как спортивный парень в короткой куртке, яростно отрабатывая локтями, пробивает в негустой толпе дорогу к подземному переходу. Тут же боковым зрением я уловил, что иномарка с затемненными стеклами, стремительно набирая скорость, рискованно сманеврировала из самой правой полосы в самую левую. Я сразу догадался: там, напротив памятника Долгорукому, находится разворот, вот иномарка и заспешила к нему, чтобы в тот момент, как я добегу до противоположной стороны Тверской, снова оказаться рядом со мной. Надо было спешить, не дать ни рыжеватому мужику, ни иномарке догнать меня, ноги застучали по ступенькам так, словно я отплясывал «ривер-дэнс» – есть такой ирландский национальный танец, где основная задача: как можно стремительнее перебирать ногами.

Переход показался необычно темным и длинным, сдавленным, зловещим. Я пронесся по нему на одном дыхании, правда, добежав почти до конца, услышал громкие торопливые шлепки ботинок по асфальту – видимо, преследовавший меня мужик как раз в этот момент вбежал в переход. Прыгая через две ступеньки на третью, через три на четвертую, я взлетел по лестнице к свету, к неспешным прохожим, к стеклянным дверям магазина «Москва». Я оттянул ближайшую дверь, скользнул внутрь, она плавно, послушно замкнулась за мной.

Хотя людей в магазине было немного, все же первая половина буднего дня, но потолкаться пришлось все равно. Повторю, магазин длинный и узкий с бесконечными стеллажами вдоль стен, как ни старайся, так или иначе постоянно натыкаешься на кого-нибудь. Моя задача заключалась в том, чтобы как можно быстрее пробраться от одного края магазина к другому, затеряться среди книжных полок, выйти из-под наблюдения моих явно профессиональных преследователей. В конце концов, они не видели, как я влетел в магазин, наверное, рыщут сейчас по всей Тверской и отходящим от нее переулкам.

Я выбрал стратегическое для наблюдения место – с одной стороны, как бы в закутке, между двумя высокими, почти полностью ограждающими от чужих глаз стеллажами. Но в то же время, чуть выглянув из-за стеллажа, я легко мог просматривать всю длину растянувшегося вдоль улицы магазина. Если бы мои преследователи заскочили в него через ту же дверь, что и я, я бы их наверняка увидел намного раньше, чем они меня. Так и случилось. Я стоял у полки, делая вид, что просматриваю книжные новинки, когда у противоположного конца коридора возникло замешательство, этакий людской водоворот, впрочем, он вскоре рассосался, выделив из себя уже знакомого мужчину со спортивной фигурой.

«Надо же, – процедил я себе под нос и выругался. – Похоже, на самом деле профессионалы. Чего я им дался? Видимо, дело нешуточное, раз они так настойчиво рыскают за мной по пятам».

Прятаться за стеллажами больше не имело смысла, понятно было, что настырный парень меня извлечет отовсюду, даже если я вдруг превращусь в увесистый книжный том и схоронюсь на полке в ряду других книжных томов. Выскакивать на улицу тоже было бессмысленно, на Тверской у тротуара уже наверняка дежурила, поджидая меня, потрепанная иномарка. Я отступил назад, в глубь зала, огляделся по сторонам. Взгляд мой привлекла небольшая дверца в стене, она едва выделялась светло-серым, почти металлическим цветом. Как раз

в эту секунду дверь неожиданно отворилась, и из нее вышла девушка в фирменном магазинном жакетике, на груди висела скромная пластиковая табличка. «Елена – товаровед. Отдел Худ. Лит.» было выведено на ней крупными буквами. Не мешкая ни секунды, я подскочил к товароведу.

– Лена, – обратился я к ней, как к старой знакомой. Она посмотрела на меня с удивлением. – Не узнаете? Вадим из издательства «Ангара». Мы с вами встречались на презентации в прошлом году.

Я нес что попало, первое, что приходило в голову, мешкать было нельзя, но, как ни странно, моя импровизация удалась. Ленины глаза сначала сузились, в них читалось напряженное усилие, но недолго, почти сразу усилие отступило, глаза округлились вновь, расслабились.

– А, Вадим, здравствуйте, – произнесла она вполне доброжелательным голосом. – Что вас к нам привело?

– Вот хочу с кем-нибудь из художественного отдела поговорить о новинках нашего издательства. Но не знаю: с кем лучше?

Елена задумалась.

– Наверное, с Юлией Анатольевной. Она у нас по новинкам. Она сейчас у себя в кабинете, вот только не уверена, свободна ли. Вы к ней поднимитесь, вы знаете, по лестнице наверх и там вторая комната направо.

– Да, конечно, – закивал я, улыбаясь, – с Юлией Анатольевной, как я сразу не догадался.

Елена улыбнулась мне в ответ, приоткрыла дверь пошире, я тут же нырнул в проем, подождал секунду-другую, пока дверь со сдержанным стуком не затворится у меня за спиной и железный цифровой замок не щелкнет своим характерным металлическим щелчком.

Вверх по лестнице я подниматься не стал, рассказывать Юлии Анатольевне о новинках издательства «Ангара» мне было совершенно нечего. Вместо этого я остановился, огляделся по сторонам, пытаюсь сообразить, что делать дальше.

Долго ждать мне не пришлось, почти сразу по покрытому линолеумом полу застучали быстрые, спешащие каблучки, и стройная, высокая женщина, уткнувшись взглядом в разрозненные бумажные листки, похожие на накладные, поравнялась со мной.

– Простите, – попытался я остановить ее, и она, оторвавшись от бумаг, подняла на меня глаза. – Я, похоже, заблудился. Здесь у вас целый лабиринт. Вы не подскажете, как выбраться на улицу?

Взгляд ее оставался совершенно безразличным, видимо, она витала в цифрах бухгалтерских накладных.

– Пройдите дальше по коридору, первая дверь направо. Она на улицу выходит.

– На улицу со стороны Тверской? Или со стороны двора? – на всякий случай поинтересовался я.

– На Тверскую вы только через торговый зал сможете попасть. А отсюда только во двор. Если вам надо в зал, то... – Но я ее прервал:

– Нет, не надо. Я через двор пройду. Спасибо большое. – Она пожала плечами, и каблучки снова застучали по линолеуму; она тут же забыла обо мне, погрузившись в свои накладные.

Я отжал дверную ручку вниз, налег телом на обитую железом дверь, она поддалась легко. После электрического, без окон коридора яркий день прыснул в глаза ослепляющим, крупитчатым, таким, каким он бывает только весной, воздухом. Я зажмурился, потребовалось секунд пять-семь, чтобы приспособиться к яркости, обвел взглядом двор. Дома стояли буквой «П». Посередине, как и полагается московским дворам, находился маленький скверик – детская площадка в середине, качели, горка, в общем, привычный набор.

Оставаться в скверике было глупо, спортивный парень с натренированной сыскной интуицией мог появиться здесь в любую минуту. Я снова огляделся. Ничего примечательного: вдоль проезжей части буквы «П» – ряд припаркованных разноцветных автомобилей; к одному из них – небольшому, красненькому «фордику» – быстрым, деловым шагом подходила женщина. До меня сначала донеслось позвякивание ключей, потом почти сразу

высокочастотный звуковой «клик» – это она откупорила двери «фордика» дистанционной кнопкой.

План возник сразу, возможно, я нечто подобное видел в старых западных фильмах. В них герой, за которым ведется охота, берет в заложницы одинокую женщину вместе с ее автомобилем и угоняет их обоих подальше от кроважанных, как правило, наемных убийц. Но это на Западе... Я же ни в заложницы, ни в наложницы (простите за плоский каламбур) брать никого не собирался. Наоборот, подойдя к женщине, которая уже приоткрыла дверцу автомашины, я обратился максимально вежливо, чтобы она сразу по голосу и по построению фраз различила во мне человека с интеллигентной начинкой, совсем не агрессивного, не опасного.

– Простите, – начал я и улыбнулся, – совершенно идиотская просьба. Чувствую себя крайне неудобно, но обстоятельства такие, что должен просить вас об одолжении.

Она подняла на меня глаза. В них сразу проскользнуло удивление, а еще... мне трудно это объяснить, какая-то прозрачная цепкость, будто глаза выстреливали липкой, наитончайшей пластиковой пленкой, которая окутывает, пристаёт к коже, врастает в нее, так что уже больше не оторвать.

– Каком именно? – Голос ее тоже необычный, как бы воздушный, словно я ловил его не слухом, а дыханием.

– Не могли бы вы меня увести отсюда? Все равно куда. В любой район Москвы, мне безразлично... – Я понимал, что звучу неубедительно, просто глупо. Помялся, пытаюсь придумать хоть какое-нибудь объяснение, но ничего придумать не смог. Пришлось говорить правду: – Похоже, меня преследуют. Совершенно не знаю почему, не знаю кто, зачем я им нужен, но уверен, что преследуют. Я только что от них оторвался, и теперь мне надо исчезнуть отсюда. Не важно куда, главное – подальше. Я заплачу, – вдруг вспомнил я про деньги. – Любую сумму.

Она снова окинула меня взглядом демонстративно оценивающим, без стеснения – с головы до ног. Мне почудилось, как вязкая прозрачная микронная пленка, отделившись от ее взгляда, вязала руки, ноги, вообще, казалось, сковывала движения.

– Садитесь, – кивнула она наконец.

Я распахнул дверцу «фордика», кое-как запихнул свое тело в тесное пассажирское сиденье. Женщина завела мотор, плавно отчалила от тротуара, машина проплыла вдоль подножия буквы «П», выкатила в переулок.

– По Тверской поедem? – поинтересовался мой водитель.

– Все равно, – решил я, медленно сползая вниз по сиденью, так, чтобы моя башка не высывалась и не была видна снаружи.

Она посмотрела на меня, поняла, усмехнулась, подъехала к Тверской, потом, пропустив череду мчащихся машин, свернула в сторону Пушкинской площади. Я подался еще ниже и все же через боковое заднее зеркало успел разглядеть потрепанную иномарку с затемненными стеклами, жавшуюся у тротуара, у самых дверей книжного магазина «Москва». Она так и осталась стоять, не обратив внимания на выехавший из переулка «фордик», а потом ее заслонили другие автомобили, вычеркнув, тем самым, из моего взгляда.

Я снова скользнул по сиденью, на сей раз вверх, по возможности удобнее устраиваясь на нем.

– Так кто за вами увязался? – Водяной голос хлынул и растекся по мне холодящим потоком.

– Понятия не имею, – честно признался я. – Когда вышел из дома, я сначала на парня внимания обратил, на то, что он идет за мной следом. А потом на Тверской еще и машину заметил. Она тоже ехала за мной. Парень по тротуару, а машина, понятное дело, по проезжей части. Ну, я от них по подземному переходу дернул, забежал в магазин, а выскочил через служебный вход со стороны двора. И вас увидел. Вот и все. Если честно, ума не приложу: почему они за мной следили? Зачем?

– Надо же, молодец какой. Здорово вы их. Я бы так не смогла. Похоже, вы мужик... – Она бросила на меня быстрый, скользящий взгляд. – Настоящий мужик... – Как-то это прозвучало необычно, не то утверждение, не то вопрос.

Я пожал плечами, ответил на всякий случай:

– Ну да, мужик.

– Надо же. – В ее влажном голосе проступило удивление. – Настоящий?

– Вроде бы, – постарался пошутить я.

– Надо же, – повторила она. – Я сразу догадалась. По глазам, по взгляду. – Она как бы в неверии покачала головой. Потом усмехнулась: – Вот наконец и встретила настоящего мужика.

– А что, настоящие мужики в дефиците? – спросил я по инерции, просто для поддержания этого глупого разговора. Все лучше, чем сидеть и молчать.

– Еще бы. На вес золота. – Она снова бросила на меня взгляд, словно обволокла влажной, холодноватой пленкой, и замолчала. До Маяковки мы доехали молча.

– Как вас зовут? – наконец спросила она.

– Иван. Иван Гольдин, – сообщил я ей свое имя. Вернее, не имя, а псевдоним, один из нескольких, которыми я пользуюсь. В любом случае, я не очень рисковал, найти меня по псевдониму было бы непросто. Не то чтобы я пытался отгородиться, обезопасить себя от этой женщины, совсем нет... Просто, когда за тобой следят, а ты даже не знаешь почему, по какой причине, паранойя начинает сглатывать тебя своими медленными, засасывающими щупальцами.

– Надо же, и имя самое мужицкое, – как бы про себя заметила женщина. – Немного мягковатое, конечно, но это даже хорошо, даже добавляет. «Ваня», «Ванечка». – Она как бы пробовала его на вкус, игралась губами, языком.

Ее интонации, голос, да и пристальный взгляд, слишком проникновенный, демонстративно оценивающий, – все это выходило за стандартные рамки отношений: «водитель – пассажир». И получалось, что я вновь попадал в однообразный стандарт голливудского фильма. Я даже вспомнил один – «Три дня Конкорда» назывался, старый, с артистом Редфордом.

– А вас как зовут? – в свою очередь поинтересовался я.

– Аркадия, – ответила она, не отрывая взгляд от дороги. Мы попали в пробку и теперь плелись в потоке едва-едва.

– Необычное имя, – удивился я. Она промолчала в ответ, кажется, лишь слегка пожала плечами.

Теперь я тоже всмотрелся в нее. Безусловно, любой мог выявить в Аркадии определенную необычность – не только в имени, не только в голосе, во взгляде, но и вообще... в фигуре, в посадке. Ничего, конечно, патологического, из ряда вон выходящего, но какой-то общий диссонанс тем не менее присутствовал.

Например, слишком длинные, слишком гибкие руки. Такое ощущение, что они могли сгибаться не только в локте и в кисти, а где угодно. Как будто составлены из сросшихся хрящевых суставов, как позвоночник составлен из позвонков, и могли заламываться в любой своей части и в любую сторону. Аналогичную иллюзию создавала и шея, вытянутая, гладкая, а груди, я пригляделся, небольшие, острые были слишком близко посажены одна к другой, будто касались у основания.

Мы снова встали в пробке.

– Куда вас везти? – спросила Аркадия, скосив на меня глаза.

– Даже не знаю, – покачал я головой. – Вообще не понятно, что сейчас делать, куда двинуться, к кому обращаться. Ведь неизвестно, как давно они за мной следят. А что, если давно? Что, если они про меня все разузнали? Где я живу, понятное дело, им известно. Но вдруг выяснили, кто мои друзья, куда я хожу, с кем общаюсь, где встречаюсь. Я где-то читал, что киллеры всякие, они сначала тщательно изучают клиента, его привычки, поведение, круг общения и все остальное прочее. А что, если они меня тоже изучили? Тогда меня везде найдут. Вот и получается, что мне совершенно некуда податься. Можно гостиницу снять, но там тоже документы надо предъявлять.

– Да, – согласилась Аркадия с моими нехитрыми рассуждениями. И вдруг резко подрулила к тротуару. – Мобильник... – только и сказала она.

Я не понял:

– Что мобильник?

– У вас мобильник при себе? Они вас могут запеленговать по мобильнику. В некоторых моделях есть что-то типа gprs, и по нему можно определить местонахождение владельца.

Она была права. О мобильнике я не подумал.

– Выбросьте его в урну, – посоветовала Аркадия, притирая машину к тротуару.

Но моя идея оказалась лучше. Сначала я стер из памяти телефона всю контактную информацию и историю входящих и исходящих звонков. А потом просто положил телефон на тротуар.

– Пусть его кто-нибудь подберет и таскает с собой. Тогда они начнут искать того человека, у которого мой мобильник.

– Правильно, и мы выиграем время, – кивнула Аркадия.

– Мы? – удивился я.

– А как же. Не брошу же я вас, Ваня, в такой двусмысленной ситуации. Как там перефразировано: мы в ответе за тех, кого спасаем.

– Да? Неожиданная вариация, – зачем-то вставил я.

– К тому же все так таинственно, увлекательно. А я, как все плевриты, ужасно любопытна. – Она улыбнулась, коротко взглянула на меня и вырулила снова в самую гущу пробки.

Про «плеврит» я, конечно, не понял, даже спрашивать не стал, что это такое. Голова была занята совершенно иным. Конечно, хорошо, что она не собирается высаживать меня у соседнего переулочка, оставаться сейчас одному мне совсем не хотелось. К тому же она на машине, хотя бы с передвижением проблем не будет, пусть и медленным, перегруженным в этой долбаной, пробковой Москве.

– Слушайте, Аркадия, раз вы меня решили не бросать, давайте свернем в переулок, чтобы от телефона подальше, и зайдем куда-нибудь, кофеек попьем или чаек с пирожным. В зависимости от того, что вы пьете. Посидим, обмозгуем, глядишь, чего-нибудь придумаем.

– Я кофе пью, – откликнулась девушка. – И против пирожного ничего не имею.

– Вот и отлично, – кивнул я. – Тогда здесь направо сверните.

Мы покружились немного по узким, запруженным улицам и где-то в районе 4-й Тверской-Ямской приземлились за столиком неброского, но вполне симпатичного кафе. Я заказал Аркадии капучино, себе эспрессо, пару пирожных, она выбирала их долго, тщательно. Я предложил взять что-нибудь еще, что-нибудь, помимо сладкого, но Аркадия отказалась. «За фигурой следит» – догадался я.

– Итак, – сказал я, сделав первый бодрящий глоток крепкой, чуть густоватой жидкости. – Надо разобраться в ситуации. Начнем с самого простого: что им от меня надо, почему они ко мне привязались? В чем их цель: убить, похитить, шантажировать или просто набрать обо мне больше информации?

– Мне кажется, нам следует начать с ваших личных контактов, – после задумчивой паузы произнесла Аркадия. – Любовных, деловых, даже дружеских. Ведь по статистике около девяноста процентов всех преступлений совершаются близкими людьми. Они либо сами их совершают, либо наводят.

Я задумался. Меня поразило, как логически точно развивалась мысль Аркадии. Без ненужных эмоциональных всплесков, вдумчиво. Совсем не по-женски.

– А можно и с другой стороны к ситуации подойти. С причинной, так сказать, – продолжила Аркадия. – Какая может быть причина? – Она задумалась и сама ответила на вопрос: – Или деньги, или любовь. Вообще основная первопричина всей уголовщины: либо деньги, либо любовь.

– Вы правы, – согласился я, – любовь и деньги всегда правили миром. Как там у Верди: «Люди гибнут за металл». А у Бизе наоборот: «Любовь дитя природы. Она всех нас сильнее». Да, любовь и деньги вечно борются за первенство. Кто из них в большей степени доминирует над людьми? – извечный вопрос.

– Надо же. – Аркадия приподняла брови. – Я не раз слышала, что настоящие мужики отличаются от остальных не только своей механикой, у них еще склад ума иной. Не застоявшийся, не то что у каких-нибудь придурков или троглодитов. Верди, Бизе... от кого еще услышишь эти забытые имена, как не от вас, раритетных настоящих мужиков?

– Почему раритетных? – Я ничего не понял, возможно, она хотела сказать «рафинированных», просто оговорилась. В принципе мне было все равно, раритетный я или рафинированный, у меня сейчас дела поважнее, чем терминологией заниматься. Например, мое благополучие, а кто знает, может быть, и моя свобода, моя жизнь. – Хорошо, – вернулся я к основной теме. – Давайте начнем с первопричины, либо с денег, либо с любви. Начнем с денег.

– Замечательно, – кивнула она. – Как у вас с ними?

– Нормально. – Я снова пожал плечами.

– Ни у кого крупных сумм не занимали?

– Да нет. Мне и своих, заработанных хватает.

– Значит, вы никому не должны? – Я снова отрицательно покачал головой. – Тогда подойдем с другого конца, – продолжила выстраивать логическую цепочку Аркадия. – Вы богаты?

– Я вполне обеспечен, – постарался уклониться я от ответа.

– Нет, я имею в виду, вы случайно не сумасшедше богаты? Настолько богаты, чтобы вас могли шантажировать, взять, например, в заложники ради выкупа... Или еще что-нибудь.

Я развел руками.

– Нет. Я вообще-то писатель. Придумываю всякое-разное. А последние полтора года из дома почти не вылезал. Книгу писал. Я, когда пишу, совсем нелюдимым становлюсь. А сегодня как раз книгу закончил, вышел из дома, а они меня караулят.

– Вы писатель?! Как я не догадалась сразу. Я не раз слышала, что настоящие мужики либо писатели, либо ученые. А да, еще юмористы бывают. У моей подруги пару лет назад были отношения с настоящим мужиком, так он юмористом был... так говорил смешно. Она сама-то пчелка, а он мужик... такой, надо сказать, рудиментик, не дай бог.

– Чего? – До меня снова не дошло. Ладно, пчелка – это понятно, суется, наверное, много, заботится, есть такой тип женщин. А вот рудимент при чем?

– Рудиментик? – переспросил я.

– Ну да, рудик. Подруга рассказывала, что он ее совсем измотал.

– Имя, что ли, такое? – наконец дошло до меня. – От Рудольфа или Родиона?

Теперь Аркадия пожала плечами.

– Вроде того. Мы его называли так.

– Ясно, – кивнул я. – Ладно, давайте о наших делах.

– Конечно. – Аркадия кивнула, отхлебнула из чашки кофейку, закусил деликатным пирожным. Взглянула на меня, взгляд снова пеленал, окутывал влажной, охлаждающей пленкой. – Значит, шантаж ради выкупа отменяем в сторону. Идем дальше. Если вы никому особенно насолить не успели и если не занимаетесь политикой, то остается только одно... – она выдержала паузу, развела руками: – ...любовь!

– Какая там любовь. – Я усмехнулся. – Я же говорю, я последнее время из дома носу не высывал. Никаких новых знакомств, никаких женщин. То есть, если честно, одна ко мне забегала иногда, но она уже давно, года два. Я с ней...

– А вы что, только с женщинами? – перебила меня Аркадия, удивленно приподняв брови. И сразу ее лицо преобразилось, прохлада пленки испарилась из взгляда, влага подсохла.

– А с кем еще? Я что, на голубого похож? – Нет, я не обиделся, даже смешно немного стало.

– Нет, не похожи. – Она взглянула на меня внимательно, по-прежнему удивленно. – Никакой голубизны я в вас не вижу. Вы вообще светленький, пепельный немного. – Ее голос звучал искренне, непосредственно, я даже улыбнулся. Она улыбнулась мне в ответ. – А вас что, только механический секс привлекает?

– Почему только механический? – ответил я не совсем уверенно. – Хорошо, чтобы еще чувства были подмешены. Без чувств как-то упрощенно выходит, когда все на одной механике держится, когда голова не кружится.

– А у вас кружится?

– Бывает, – признался я. Я почувствовал, что краснею, все-таки мы были едва знакомы.

– Надо же... столько слышала про настоящих мужиков, а вот надо же... – Аркадия покачала головой и так и не закончила фразу.

– Что? – Мне стало любопытно, что она имела в виду.

– Нет, ничего. – Она снова улыбнулась, но теперь и в улыбке проскользнуло нечто непривычное, будто улыбка через пленку, будто на губы натянута пленка и оттого они чуть сместились, создав асимметрию. – Значит, вы думаете, что с любовью это тоже не связано?

Я не сразу понял, о чем она:

– Что, секс?

– Да нет, я про тех, кто гнался за вами. Слежка, значит, с любовью не связана?

– Не думаю, не похоже.

Мы помолчали. Аркадия снова сделала глоток из кофейного стаканчика, гибкая, длинная рука, описав изящный полукруг, потянулась к пирожному, утащила очередной кусок в утробную норку рта, по-прежнему подернутому асимметричной улыбкой.

– Похоже, мы сейчас, с ходу, не разберемся, что происходит. Ясно одно, вам дома появляться нельзя. До тех пор, пока мы не разберемся, пока не убедимся, что там безопасно.

Как ни странно, только в данную секунду, после этих слов Аркадии я до конца осознал, в какой неприятной ситуации нахожусь. Действительно, куда мне деваться? Ну, хорошо, поброжу часа три-четыре по городу, а что потом?

– Да, дела, – задумчиво проговорил я. – Если они про меня на самом деле навели справки, то сейчас везде поджидают. Близких людей всего-то два-три человека.

– А всякие секретные квартиры? Конспиративные? О которых никто не знает? Случаем, не заготавливали?

Я развел руками:

– Я революционной борьбой никогда не занимался. Она подхватила вилочкой кокетливую вишенку, венчающую вершину пирожного, долго, с явным удовольствием раскусывала ее.

– С конспиративной квартирой проблем нет, – наконец проговорила Аркадия. – Можете остановиться у меня. Если хотите, конечно.

В принципе для меня это был наилучший из всех возможных вариантов. Во-первых, у нее, конечно, меня никто не найдет. А во-вторых, что тоже немаловажно, она мне нравилась. Ее влажный, пленочный взгляд, гибкие, позвонковые руки, чуть асимметричная усмешка – все как-то неожиданно возбуждало, будто внутри меня закручивался часовой пружинный механизм. Был ли он присоединен к взрывному устройству? Этого я пока не знал.

– А это удобно? – на всякий случай переспросил я.

– Вполне. Никаких проблем. Вы, Вань, даже не думайте. Поживете у меня, пока не разберетесь, что к чему. Я одна живу. Тут недалеко, на Баррикадной. Квартира большая, удобная, я вас стеснять не буду. Днем я вообще на работе, да и вечером тоже.

– А чем вы занимаетесь, где работаете? – скорее для приличия поинтересовался я.

– Я в театре служу. Актрисой. Вы, может быть, слышали, Аркадия Аркадьева, это мои имя и фамилия. Сценические, конечно.

Я пожал плечами:

– Увы, я не часто в театре бываю, даже телевизор не включаю, – развел я руками. – Я уединенный по сути своей человек. Знаете, мое ремесло уединения требует, я ведь миры создаю, вот в них находиться и должен, жить в них. Такое требование ремесла. Поэтому из этого, окружающего нас мира многое упускаю. Похоже, и театр упустил, – постарался сгладить я свою неосведомленность.

– Не грустите, не самое большое упущение, – улыбнулась она, промокнула свои искаженные губки салфеткой, поднялась со стула. – Ну что, поехали?

Я кивнул и поднялся вслед за ней.

Квартира на самом деле оказалась большой и просторной в современной VIP-шной многоэтажке. Аркадия жила на шестнадцатом этаже, из широкого во всю стену окна бесконечная Москва застилала взгляд до горизонта. На выкрашенной светло-серой стене висели часы, я посмотрел, они показывали около двух пополудни.

– Вот, располагайтесь. – Аркадия развела гибкими руками в гостеприимном жесте. – Еда в холодильнике, захотите выпить, там много всего, на кухне. Если будете принимать душ, полотенца в ванной, в шкафчике. Вы увидите.

Я кивнул.

– А вы что, собрались куда-то? – удивился я.

Она подошла, губы снова сдвинулись в чуть скошенной улыбке, ивовый прут выгнулся в мою сторону, скользнул по лицу, задержался на щеке, я почувствовал прохладу, приятную, успокаивающую. Будто в жаркий, изнуряющий день лицо накрыли тонким, пропитанным холодной влагой полотном.

– Не все же писатели. Не все в своих мирах живут. Кому-то надо и на службу ходить, – ответила она и отняла ладонь от моей щеки.

– Так вы в театр? – задал я ненужный вопрос.

Она кивнула, ничего не ответила. И добавила только из коридора:

– Не скучайте. У меня сейчас репетиция, но вечером я дома, я сегодня в спектакле не участвую. Постараюсь вернуться пораньше.

Я хотел было ей ответить, но дверь уже захлопнулась. И тут же резкий поворот ключа в замке. Похоже, мне теперь отсюда не выбраться, из этой квартиры, даже если бы я и хотел.

Если честно, я был рад, что остался один. Нужно было переварить впечатления, собраться с мыслями – слишком много неожиданного произошло за последние несколько часов. Снова постараться понять: кто преследует меня, для чего, с какой целью?

Часы на стене уже показывали полпятого, но я ничего не придумал. Хотел позвонить друзьям, попросить подойти к дому, проверить, не дежурит ли кто-нибудь у подъезда, но передумал. Во-первых, глупо распускать слухи, даже не распускать, а самому создавать их. Пугать друзей, посвящать их в свою детективную историю, вовлекать в нее – тоже глупо. Но главное, я побоялся того, что телефоны друзей могли прослушиваться. Тогда мои преследователи запросто запеленгуют этот номер и без труда найдут меня в квартире на Баррикадной.

Так ничего и не придумав, я растянулся на диване, положив ступни на валик, уставился остановившимся взглядом на московский урбанистический пейзаж за окном. А потом, по-видимому, задремал.

Когда я открыл глаза, лицо Аркадии находилось близко-близко, в каких-нибудь нескольких несущественных сантиметрах. Она молчала и вот так, молча, глядела на меня. Словно изучала.

Скорее инстинктивно, на одном полусонном рефлексе я протянул руку, положил ладонь на ее шею и, словно так и полагалось, пригнул к себе. Она легко поддалась, несчастные сантиметры растворились, ее губы оказались сверху над моими, я сдавил, смял их, язык попытался пробиться внутрь, но наткнулся на бастион плотно сжатых зубов.

– Ты чего? – Она отпрянула, ошарашенная, удивленная.

Я ничего не понял.

– А что?

– Ты зачем это в рот?

– Я поцеловать тебя хотел. – Я не оправдывался, но, наверное, мой лепет выглядел со стороны как оправдание.

– Чего? Зачем? – бормотала она.

– Не знаю. Мне показалось, ты хочешь. Она задумалась.

– Ну да, ты же мужик. У вас, наверное, так полагается. Хорошо, пойдем в спальню.

Я не стал возражать.

Одежда слетела в секунды, ее – даже быстрее, чем моя. Она осталась лишь в трусиках, я подумал: раздеться ли мне полностью, и решил, что лучше не форсировать. Хотя, если честно, были на мне трусы или нет, это уже большого значения не имело.

– Приоткрой рот, – неровно выдохнул я в ее чуть приоткрытые губы.

– Зачем? – дыхнула она обратно в меня.

– Ты чего, сразу хочешь, без прелюдий? – Я немного смутился, как-то я ее плохо читал. Ее мысли, желания.

Снова пауза.

– Нет, давай, как ты привык.

– Тогда разожми зубы.

Я обхватил ладонью ее подбородок и нажал двумя пальцами на скулы с двух сторон, разжимая их, несильно, не причиняя боли, но настойчиво. Рот открылся. Даже не открылся, а распахнулся, так широко, будто попытался проглотить меня всего с потрохами. Мой язык почувствовал себя маленьким, неумелым, нелепым, он беспомощно затрепыхался, не находя опоры, и, осознав свое полное бессилие, вернулся в родные рубежи.

– Как странно, – прошептала Аркадия. – Какая удивительная механика...

Но я не дал ей договорить.

– Ты чего, не целовалась никогда?

– Целовалась... – Голос был пропитан удивлением, удивление просто сочилось из него. – Значит, это мы целуемся? Обалдеть...

Я не мог понять, шутит ли она, издевается? Но выяснять это сейчас, именно в данный перенапряженный момент, было не время и не место.

– Ты рот приоткрой, но не широко, – распорядился я. Мы снова сошлись в поцелуе, на сей раз более удачном, более полном. Я постепенно стал заводиться, руки поползли вниз по телу Аркадии, нащупывая, обыскивая, не пропуская ни сантиметра необычно гладкой, скользкой, как будто отполированной кожи, пытаюсь запомнить округлости, выступы, впадины.

Как ни странно, запоминать было особенно нечего – талия не сильно контрастировала с шириной грудной клетки, бедра не отделялись от талии, все казалось ровненько, сглаженно, как будто какой-то мастер умело стесал выступы и закругления рубанком. Грудь тоже особенно не было, я имею в виду, привычной женской груди, скорее мальчишеская, неразвитая.

«Ну, ничего, – подумал я про себя, – девочка с мальчишеской фигурой, бывают и такие. Просто у меня ничего подобного не было, вот только сейчас, в первый раз. Можно сказать, повезло. Можно сказать, экзотика. Такие на гляцевых страницах модных журналов рекламируют с трудом прикрывающую одежду. Мальчишество добавляет им загадочной привлекательности, особенно на черно-белых фотографиях».

– Обними меня, – прошептал я на выдохе, улучив мгновение между поцелуями.

– Зачем?

Надо сказать, что от секса, особенно от прелюдий, я немного зверею. Контроль над собой полностью, конечно, не теряю, но человеческая стержневая суть все же чуть отступает, оголяя животность. Не в том смысле, что я становлюсь опасным для окружающих, но отвечать на idiotские вопросы, вдаваться в объяснения обычно не расположен.

– Обними. – В моем голосе, я сам различил, проступила хрипая несдержанность.

– Хорошо, – согласилась она, как будто выполняла приказ.

Ее бескостные руки оплелись вокруг моей спины, шеи. Но оплелись как-то вяло, без порыва.

– Сильнее, – выдал я новое приказание. – Крепче. При всей необъяснимой неумелости Аркадии она меня заводила не на шутку. Тело ее было прохладное, освежающее, с невероятно гладкой, скользящей кожей. Я плыл по нему, словно по поверхности озера. Нет не озера, моря – Мертвого, израильского пересоленного моря. Кто плавал в нем, тот помнит ни с чем не сравнимое ощущение – скользишь, а внутрь погрузиться не можешь. Даже не хочешь.

Так было и сейчас, скольжение по телу Аркадии отменяло законы ньютоновской механики, например, силу трения. Она исчезла, и я своими несдержанными движениями, пусть и подсознательно, пытался вернуть ее в свод привычных земных законов, чтобы восстановить хоть какой-то разумный порядок в расшатанном, разболтанном мире.

– Ой, – вырвалось из нее высокой, зашкаливающей нотой. – Ой... Как же хорошо. Какая чудесная механика! Я и не знала, что так бывает! От простой механики. Подруга рассказывала, но я не верила. – И она снова вскрикнула, потом еще раз. Потом промежутки между криками сузились, сжались, пока вообще не сошли на нет, замешивая воздух одним непрерывным, взвинченным криком.

Вот так между поцелуями, скольжениями, колыхаясь на ее мелодичной какофонии, я кое-как ухитрился стянуть с себя трусы, тут же почувствовал, как она вздрогнула, забилась, словно в ошарашенном испуге, но коротко, я мгновенно придавил ее тяжестью своего тела.

– Ой, надо же... Надо же... Ой... – Собственно, теперь ее непрекращающийся крик состоял из двух коротких фраз: «Ой» и «Надо же». И между ними иногда затесывалось длинное, неестественно протяжное «мамочки...».

Это беззащитное «мамочки» раззадоривало меня более всего. Уже не очень контролируя себя, я потянулся руками вдоль Аркадиного тела, зацепил с обеих сторон ее трусики, потянул вниз, к ногам, к забившимся в волнении коленкам.

Непрерывная звуковая волна вдруг прервалась.

– Что ты делаешь? Зачем? – Она схватила крепкими пальцами мои руки в попытке их остановить, но остановить их было уже невозможно.

– Как зачем? Ты чего? Ты девственница, что ли? Не может быть? Ты чего? – бормотал я ненужные слова, которые сам не слышал, в которые сам не верил. Она еще пыталась что-то сказать в ответ, руки еще пытались меня удержать, но вскоре, осознав всю обреченность, ослабли, обессилели, словно опали.

– Зачем тебе... Ни к чему... Не надо... – пробились последние звуки, а потом затихли вообще. Я стащил бессмысленные трусики вниз, сначала к коленкам, затем к ступням, в конце концов они соскочили и с них.

Я разжал ногами ее ноги, кое-как устроился между них.

– Согни ноги в коленках, – потребовал я, и она послушалась.

– Ты, главное, не останавливайся, двигайся. Добавь механики. Она фантастическая, обалденная. Ой, мамочки... Надо же... – в свою очередь простонала Аркадия, хотя в ее голосе, в отличие от моего, доминировала лишь одна просьба.

– Ну что, голова закружилась? – на всякий случай поинтересовался я.

– Еще как, – простонала Аркадия. – Такого никогда не было.

– Ты не представляешь, как она сейчас поплывет, – пообещал я и двинулся рукой к ее животу, ниже, в промежуток между двух широко растащенных в стороны ног.

Я уже предвкушал ощущение сочащейся влаги и ждущей раскрытой готовности, и потребности принять, слиться. Мне они были сейчас необходимы – и влага, и готовность, и потребность. Но их не было. Я плохо соображал, словно в тумане, но меня все равно пробила испарина. Я провел пальцами вверх, вниз, двинулся в одну сторону, другую – ничего. Будто сначала зашито, потом запаяно, потом все зажило, заросло новой, свежей, гладкой, непроницаемой кожей. Ни шрама, ни намека, ни предположения. Я же говорю – вообще ничего. Пусто.

Мне стало не по себе, как будто я провалился в другой мир, в кроличью нору, в зазеркалье. Испугался ли я? Нет, не испугался, скорее был ошарашен.

– А где же... – только успел произнести я.

– Где что? – прошептала она сквозь стоны.

– Где она? – пояснил я. – В смысле, оно. Где влагище? – пояснил я уже конкретнее.

– Какое? – раздался очередной стон. – Откуда оно у меня? Ой, мамочки, ой... Я же плеврита... – Потом снова пошло: – Ой, мамочки, надо же. Какая механика! Ой, мамочки...

– Кто ты?!

– Плеврита, – повторила Аркадия. – У тебя что, никогда плеврит не было? Нас же много, мы на четвертом месте по количеству после пчелок, энергетиков и химиков. Не то что вы, мужики. Вас-то по пальцам можно пересчитать.

– Нет, не было, – признался я.

– Не может быть! – Теперь она казалась изумленной. – Неужели не одной плевриты? Не может быть!

– Ни одной, – повторил я.

– Ты такой чистый, такой невинный. Ты первый мой плевритный девственник. Да еще мужик... Не могу поверить! Как мне повезло с тобой! Ты только двигайся, продолжай двигаться! Я просто умираю от твоей механики. Особенно от рудимента. Ах, какой он у тебя! Сейчас я его оплету, покрою.

– А что это такое, плеврита? Как вы ухитряетесь... – стал было допытываться я, но тут же замолк.

Я вдруг почувствовал... Да, я сперва почувствовал, а уж затем пригляделся. Сначала стало прохладно и, как бы это сказать, сыровато, что ли. Будто между нашими по-прежнему скользящими телами плеснули загустевшей смазкой, чем-то плотным, но при этом эфирным, быстро испаряющимся и оттого освежающим. Потом я ощутил прикосновение. Нет, не в одном каком-то месте, а повсюду, по всей поверхности тела. Я оторвался от губ Аркадии и посмотрел вниз... И не поверил своим глазам.

Мне показалось, что поры на теле Аркадии открылись, все бесчисленные миллионы пор, и из них словно маленькие прозрачные змейки проступили... Я не знал, что это такое... Пленка, не пленка, слизь, не слизь, смазка, не смазка. Нет, скорее все же пленка. Она не была ни липкой, ни мокрой, что-то вроде тончайшего,

почти прозрачного целлулоида. Множество растекающихся целлулоидных струй. Они тут же на глазах застывали, образуя тонкую, едва заметную на коже прозрачную пленку.

– Что это? – вырвалось несдержанно у меня.

– Милый мой, – прошептала лежащая передо мной Аркадия. – Ты такой милый, такой нетронутый, чистый, девственный.

– Я? – удивился я собственной нетронутости.

– Конечно, ты. Я же у тебя первая плеврита. Правда? Скажи еще раз. Правда, первая? Ну, сознайся, ты не шутишь?

– Если бы я знал, кто такие плевриты, я бы сознался.

– Вот видишь. Ты вообще птенчик, ничего не знаешь. Потому что мужик. Настоящий! Надо же, как мне повезло. Дотронься до нее, – прошептала запекшимися губами Аркадия.

– До кого? – не понял я.

– До плевры, – едва выдохнула Аркадия.

Я дотронулся до пленки пальцем – она была не липкая, но какая-то вязкая, все еще немного влажная, не холодная, но холодящая. Как голос Аркадии, подумал я. Пленка приклеилась, прикрепилась к пальцу, обволокла его и стала расходиться, распространяться – вот она уже облепила всю ладонь, вот захватила запястье, начала подниматься к локтю. Я опустил глаза вниз, все тело Аркадии оказалось покрыто целлулоидной, прозрачной пленкой, и она, разрастаясь, обволакивала и мое тело, открывала поры и на моей коже, проникая в них, создавая неисчислимое количество связей. Связей между мной и Аркадией.

Я должен был испугаться, я уже был готов испугаться. Отпрянуть, отстраниться, оторваться от нее, вскочить, разорвать связующие нас пленочные сети, убежать. Но я не успел. Я вдруг почувствовал поток. Не мощный, не подавляющий, скорее

осторожный, деликатный, он пульсировал, перетекал, от Аркадии ко мне, из каждой ее клетки в каждую мою. Я явно чувствовал его подрагивающую теплую энергию. Он наполнял меня мягкостью, будто размягчал, разжижал, делал аморфным, податливым. Пленка трепетала, чуть раздувалась, потом опадала на секунду и снова наполнялась. Чем? – я понятия не имел. Но мне уже было все равно. Какая разница из чего, из какой внутренней энергии состоял движущийся в обе стороны поток? Главное, что вместе с ним пришло успокоение. Полное, наркотическое, облегчающее настолько... что оно показалось счастьем. Невероятным, неведомым мне прежде, дробящим на части, на мельчайшие органические элементы, на элементарные, нуклеиновые частицы. И я, видимо, отключился, выпал из реальности, из окружающей обычно затвердевшей среды.

Когда я пришел в себя, в комнате было совсем темно. Я посмотрел на настенные часы, они показывали пол-одиннадцатого вечера, значит, я находился в забытьи часа четыре, даже дольше. Аркадия лежала рядом, тихо, недвижимо – ресницы прикрыты, тело чуть подрагивало, будто там, в своем опутывающем сне, она зашлась в мелком трясучем шаманском танце. Я попытался отстраниться, но не тут-то было – связывающая нас застывшая пленка тут же натянулась, попыталась подтащить назад, я повел плечами, раздалась череда негромких шлепков, будто умело открыли одну за другой несколько бутылок шампанского. В нескольких местах пленка лопнула, разошлась, оголила пустыри чистой, освободившейся от прозрачного целлулоида кожи.

Видимо, именно от того, что связь оказалась нарушенной, Аркадия открыла глаза. Сначала в них ничего нельзя было прочесть – ни мысли, ни сознания, даже намек на него. Но постепенно их стекловидность растворилась в густоте зрачка, она вздохнула чуть глубже, затем еще раз, повернула голову, увидела меня, улыбнулась.

– Надо же, – проговорила она и замолчала. Потом все же продолжила: – Я даже не ожидала такого. Такой энергазм... я такого никогда не испытывала. Подруга говорила, что от вас, мужиков, так и прет, что ваша механика сшибает с ног, но я и представить не могла... – Она сбилась на полуслове, я воспользовался паузой.

– Энергазм? – переспросил я. – Что это за животное такое?

Аркадия улыбнулась.

– Я же говорю, ты совсем наивный. Ты даже не знаешь, что такое энергазм. Энергетический оргазм – вот что это такое. Такой силы и частоты, как с тобой, у меня никогда не было.

И тут реальность вернулась ко мне, я все вспомнил, все составилось в общую, единую картину.

– Слушай, – сказал я, – ты должна мне объяснить. Я ничего не понимаю. Ты сказала, что ты плеврита. Что это такое? У тебя даже влагалища нет. Ты что, не женщина?

Теперь она уже не улыбалась, просто смеялась, звонко, беззастенчиво, чуть перекашивая узкие, растянутые губы.

– Конечно, не женщина. Ах да, ты говорил, что у тебя только женщины были? То-то ты мне между ног полез, – хохотала она в полный голос. – А там ничего... Представляю, как ты удивился.

– Удивился, не то слово, – вставил я.

– Конечно, ты прав. Мы, плевриты, действительно внешне на женщин чем-то похожи. Кто совсем не разбирается, вполне перепутать может.

– Я ничего не понимаю, – повторил я, чуть отстраняясь. – Ты должна мне все объяснить. Что происходит? Какие плевриты, откуда вы взялись?

– Ты вообще с какой планеты спустился? – в свою очередь спросила Аркадия. Смех все еще разбирал ее, но она уже взяла себя в руки.

– Я отсюда, с Земли. Правда, я давно из квартиры не выбирался. Я же говорю, книгу писал. Может, за это время какие-то изменения в человеческой природе произошли.

– Знаешь что, давай сперва плевру разорвем. А то она застывать стала, потом не отмоешь. Кто первым в душ?

– Можно, я сначала? – решил я. – Чем ее отмывать, мылом? – Кожа под пленкой стала чуть почесываться. Видимо, с непривычки.

– Ага, там губка специальная, голубая. Ты увидишь. Я встал, пошел в сторону ванной.

– А тебе понравилось? – В ее вопросе я расслышал осторожную неуверенность. Остановился, обернулся, взглянул на нее, она чуть приподнялась на кровати.

– Это фантастика какая-то. Обморочное состояние, – сознался я и открыл дверь ванной.

Потом мы сидели на кухне, Аркадия приготовила что-то перекусить. На скорую руку, конечно, но было вкусно. Хотя, наверное, я просто сильно проголодался.

– Значит, ты плеврита? – вернул я разговор к единственно интересующей меня теме. – А плевриты – они не женщины. Кто же они тогда такие?

– Ты и вправду не знаешь? Не придуливаешься? Как ты живешь и не знаешь самого простого? – спросила Аркадия, взгляд ее и не пытался скрыть ласку.

– Да нет, честно. Ты должна мне объяснить, что происходит. А почему я не знаю, это уже второй вопрос. Он меня самого интересует. Но мы с ним позже разбираться будем. Сначала ты должна мне объяснить.

– Ну, хорошо. Конечно, плевриты не женщины. И не мужики. Это совершенно отдельный, независимый пол.

– Какой пол? Откуда? – Я совершенно ничего не понимал.

– Как откуда... Ниоткуда. Мир так устроен... Есть мужской пол, есть женский, а есть плевритный.

– Это что, промежуточный между мужским и женским? – задал я следующий вопрос.

– Никакой не промежуточный. Совершенно отдельный пол. Просто существует он на совершенно иных принципах, чем, например, вы, мужики. Ты же видел. Вы механические, рецепторные, вам трение необходимо, хотя рудимент ваш, конечно, многого стоит... А у нас плевритная связь, ты же видел.

– Да, – кивнул я. – И чувствовал.

– Вот видишь! – Она улыбнулась, будто радуясь моей сообразительности.

И тут до меня дошло:

– Значит, если вы независимый пол, то вы не только с мужчинами можете... Но и женщинами?

– Конечно. – Аркадия пожала плечами. – А почему ты спрашиваешь?

– Да так, – пожал я плечами.

– Ну да, можем, запросто. Я, например, встречалась с четырьмя женщинами. – Она задумалась, вспоминая. – Таня, Алена, Галина и еще одна... Я забыла, давно дело было. К тому же мне с ней не особенно понравилось, она на себе слишком сконцентрирована была.

– И как с ними? – поинтересовался я.

– Ничего. Не плохо, конечно. Но не так, как с тобой. С тобой вообще полный улет. Оно и понятно, ты же раритетный. Один рудимент чего стоит.

Насчет своей раритетности я тоже не понял, но решил сейчас не узнавать. Были вопросы и поважнее.

– Значит, существует три пола: мужчины, женщины и плевриты. Правильно? – Я развел руками. – Невероятно, похоже, мир перевернулся. Я ничего не... – Но тут поймал на себе взгляд Аркадии. Более внимательный, чем обычно, он заставил меня замолчать.

– Ты дурачишь меня? – предположила она. – Разыгрываешь. Или издеваешься. Да? Я права?

– Нет, не разыгрываю. – Я снова ничего не понимал. – А почему? Я что-то не то сказал?

– Какие три пола? Ты что, смеешься? – Но я не смеялся. – Всего шестнадцать полов. Как ты можешь этого не знать? Ты что, действительно с неба свалился? С другой планеты? Ты что, внеземной пришелец?

Теперь пришла моя очередь разволноваться. Я встал, в волнении прошелся по кухне, в голове ничего не укладывалось. Да и как могло уложиться?

– Это ты разыгрываешь меня! Это ты издеваешься! – Похоже, я стал говорить ее словами. – Откуда шестнадцать полов? Откуда они взялись?

– Всегда были, все шестнадцать. – Аркадия развела руками. – Только вас, мужиков, очень мало, почти вообще не осталось. Вы редкость, на грани исчезновения, раритет, можно сказать. А вот энергетиков, психов или пчелок завались. Куда ни плюнь, то пчелка, то энергетик.

– Подожди, – подумал я вслух. – Мы, вероятно, о разных вещах говорим. Они, наверное, какие-то другие особи. На людей-то они хотя бы похожи?

– Ты чего? Конечно, все люди. Как это называется, Гомо Сапиенс. Просто разнополые.

– И их шестнадцать разновидностей? – переспросил я.

– Конечно, – утвердительно кивнула Аркадия.

– И все могут заниматься сексом со всеми?

– Ну, как со всеми... Внутри своего пола – это извращение, конечно. Гомосексуализм называется. Хотя исключительно редкое явление, в жизни почти не случается, только в учебниках описано. Да и кому этот гомосексуализм нужен, когда с остальными пятнадцатью полами можно сексом заниматься. Без

труда. Как мы с тобой. – Она потянулась ко мне, заглянула в глаза.

– Действительно, кому он нужен, если разнообразие? – согласился я.

Она кивнула, я помолчал, потом продолжил:

– И как это многополье работает? В смысле, с технической точки зрения? У кого-то два члена? У кого-то три? Или, как ты их называешь, рудимента... Так, что ли?

Аркадия снова прыснула, видимо, я ее сильно рассмешил.

– Скажешь тоже! Не зря ты писатель. Я себе такое раритетное чудище даже представить не могу. Если от одного твоего рудимента такой энергизм, представляю, сколько от двух наберется. Убивать будет наповал. – Она засмеялась, видимо, все-таки представила. – Да нет, у всех совершенно разные принципы секса. Рудименты только у вас, у мужиков, остались. Оттого и называются рудиментами. Если строго говорить, то женские влагалища тоже рудименты, но их так называть почему-то не принято. Наверное, потому что женщин все же значительно больше, чем вас, мужиков. Хотя, если разобраться, тоже античные штучки, тоже на сплошной механике построены.

– Хорошо, если мужики «раритеты», то как женщин принято называть? – поинтересовался я в основном из любопытства.

– Женщины вообще-то как «пещерные» классифицируются, – ответила Аркадия. – А в разговорном сленге их как только не называют: и «пещерки», и «норки», и даже «домашний уют». Или еще «гормонки», «гармошки» – это от гормональной их природы. Но прозвища для всех полов имеются, ну, ты понимаешь, разговорные такие разные названия. С ними проще, да и прикольные встречаются. Все привыкли к ним.

– А мужики, значит, «раритеты»? Или по-другому их тоже называют? – поинтересовался я.

– Конечно, называют, сколько угодно. Например, антиками или рудиками.

– Антики? Рудики? Что это означает? – Я развел руками. При других обстоятельствах я наверняка бы догадался сам, но под этим стрессом голова соображала плохо.

– Что непонятого? «Антики» – от слова антиквариат. Это потому что вы устаревшие и вас очень мало. И потому что вы ценные. «Рудики» – от слова рудимент. Да много еще есть названий. Вас, мужиков, все любят, вот и придумывают прозвища, кто на что горазд.

– Значит, «рудики». Хорошо, пусть я буду «рудиком». – Я пожал плечами. – Так получается, что только мужчины и женщины построены на механических принципах? – уточнил я.

– Только они, – подтвердила Аркадия.

– А остальные на других принципах?

– Да ты сам подумай: механика, трение, это же примитивно. Это же на доисторическом каком-то, первобытном уровне. Это как огонь трением добывать, камнем о камень стучать. Когда уже давно спички есть. Когда уже и спички устарели, когда даже зажигалками почти никто не пользуется. А вы все чиркаете и чиркаете по старинке.

– А что не первобытный уровень? Что тогда является уровнем современным?

– У каждого свое. Полов-то шестнадцать, и у каждого свой принцип, – пожала плечами плеврита.

Я снова присел за стол. Конечно, я мог не верить ни одному ее слову, но как тут не поверишь, когда я только что вынырнул из четырехчасового плевритного секса. Тогда лучше вообще перестать доверять реальности окружающего мира. Перестать доверять реальности всех своих органов чувств: зрения, слуха, осязания. Но не доверять своим органам чувств мне не хотелось.

– Давай, рассказывай. Какие это шестнадцать полов? Давай по порядку, один за другим. Итак, какой из них самый популярный?

– Не знаю. Кому что нравится. У всех ведь разные предпочтения.

– Тогда давай по многочисленности. Какой пол самый распространенный?

– Я точный порядок для всех шестнадцати не помню. – Аркадия задумалась. – Больше всего, конечно, пчелок. Они практически везде. У нас их тоже немало, но в Азии, если на статистику посмотреть, там вообще почти одни пчелки. Особенно в Китае.

– И какой принцип совокупления у пчелок? – задал я очередной вопрос.

– «Совокупления». – Губы Аркадии сдвинулись в уже привычную асимметричную улыбку. – Слово-то какое смешное. – Она помедлила: – У них волосики по всему телу, типа пчелиного хоботка. Только у пчелки один хоботок, а у них – не сосчитать. Везде, повсюду. Вот они и проникают внутрь. Там они выделяют что-то, я точно не знаю, но можно в справочнике посмотреть. В общем, – она снова помедлила, замялась, – это не расскажешь. Это увидеть надо, а еще лучше попробовать. А на словах как-то упрощенно получается. И сухо к тому же.

– Хорошо, – кивнул я. – Давай дальше. Ты говорила, что на втором месте психи идут.

– Да, психи, по-моему. Они на энергетическом принципе построены. Вообще несколько полов на энергетике построены. Только энергетика у них разная.

– Ты не обобщай, ты перечисляй всех по порядку.

– Ладно. – Аркадия сосредоточилась, губы утратили асимметрию, выровнялись. – Значит, психи, потом энергетики, лунатики, придурки. Наверное, еще биг-бэнов можно к этой категории причислить.

– Подожди, не спеши, – снова остановил я ее. Голова моя плыла и не успевала за новой информацией. Да и как можно было за такой информацией успеть? – Чего-то я не успеваю. Я совсем запутался. Давай, я записывать стану, а то совсем собоюсь.

Она принесла лист бумаги, ручку. Я нарисовал простую табличку. В левом столбце название пола, в правом – сленговое сокращение и принцип действия. Первыми номерами я поставил «мужик» и «женщина», то, что мне было понятно. Затем уже со слов Аркадии добавил новые, незнакомые для меня половые принадлежности. В результате лист выглядел таким образом:

1. Мужик – рудимент, рудик, раритет.
2. Женщина – пещерка, гормонка, гармошка.
3. Плеврита – пленочная, плевая, пластиковая.
4. Пчелки – хоботки, работяги.
5. Психи – психотропная энергетика.
6. Энергетики – другая (не понял какая) энергетика.
7. Большой взрыв. От аналога с термином, означающим «Создание Вселенной». Сокращенно: «биг-бэн» – бьет какой-то энергией, как ударом. Тоже не понял, какой именно.
8. Релятивисты. Они же «эйнштейны» – смещение в пространстве и во времени. (Вообще не понял, как это работает.)
9. 4-измерения. Сокращенно «4-дэшники» – вроде бы открывается четвертое измерение. Не ясно какое.
10. Химики. Они же слизняки. Или гусеницы – выделяют слизь. Наверное, химия какая-то.
11. Паучковые – паучки, обволакивают паутиной.
12. Лунатики – как-то связано с приливами и отливами. С циклами, одним словом. Но Аркадия внятно объяснить не может.

13. Электромагнитные. Они же «буравчики» – воздействуют на молекулярном и атомном уровне. Что-то с электронами делают. Может, ток пускают? Или электромагнитные волны?

14. Придурки. От слова «дурь». – «Дурь» вырабатывают. Что-то типа наркотика, но не вредного, без сильной зависимости.

15. Огородники. Они же «картошки». Или «вербы» – секс происходит не то на уровне спор, не то на уровне почек. Они как-то засеивают партнера.

16. Троглодиты. Они же «водовороты» – засасывание разных частей тела, создавая из этой части новоявленный эротический орган. Хотя совершенно непонятно, что это означает.

К концу нашего разговора я совершенно выбился из сил. Видимо, стресс от умопомрачительной ситуации, в которой я оказался, совсем подточил меня. Запихнув в себя какую-то еду, которую смастерила Аркадия – даже не ощутив вкуса, – я с трудом добрался до кровати.

– Слушай, я совсем без сил, – признался я, когда Аркадия оказалась рядом, прижалась ко мне своим глянцевым, прохладным телом. – Я бы хотел попробовать еще раз... в смысле, сексом заняться... но боюсь, у меня не получится. Боюсь, как бы ты не обиделась.

Почему-то я продолжал обращаться к ней в женском роде – хотя не понятно почему. Наверное, по инерции. Ведь она женщиной не была. Впрочем, а как иначе? В русском языке лишь три рода: мужской, женский и средний. А плевритного рода нет. Во всяком случае, я его не знал.

– Как это не получится? – удивилась Аркадия. – А что у тебя должно получиться?

Я подумал: а действительно, что?! В принципе от меня ничего не требовалось. Я кивнул:

– Хорошо, если ты хочешь, то давай.

– Конечно, хочу. Зачем ты спрашиваешь?

И мы с Аркадией снова занялись любовью. Хотя, лучше сказать, сексом, потому что, если честно, я ее пока еще не любил. Даже не был уверен, полюблю ли когда-нибудь.

Тем не менее улет был полным, без остатка, как и во время предыдущей, первой попытки. Даже превзошел ее: я уже ничего не боялся, не удивлялся ничему и, когда ощутил захватывающий всего меня поток, принял его сознательно, с нетерпением, полностью раскрывшись для него. Оттого, наверное, наша связь продолжалась долго, почти всю ночь, уже светало, когда я открыл глаза. Как ни странно, я чувствовал себя совершенно свежим и полным сил.

– А почему секс должен утомлять? Не работа ведь, – откликнулась Аркадия, когда я поделился своим открытием. – Наоборот, он заряжает. Энергия, она и должна заряжать. А что, бывает по-другому?

Я задумался и не стал ей рассказывать, как бывает. Зачем переносить на малознакомого человека свой негативный опыт.

После того как мы по очереди побывали в душе, смыли, оттерли плевричную накипь, мы снова оказались на кухне. Аркадия заварила кофе, смастерила завтрак.

– Я сейчас на репетицию, – начала она строить планы. – А потом, перед спектаклем, у меня перерыв большой будет. Тогда я к тебе и прибегу. Ты только никуда не выходи и никому не звони. Мы же не знаем, может, они тебя по всему городу разыскивают.

– Кто они? – не сразу понял я.

– Как кто? Те, кто за тобой следил. От кого ты вчера убегал.

Надо же, я совсем оторвался, полностью позабыл о вчерашних перипетиях, о подстерегающей меня опасности. Надо же, как меня плевритная Аркадия прозомбирова!ла!

– Главный вопрос теперь даже не тот, кто и почему за мной охотится, – ответил я после длительной паузы. – Главный вопрос: где я сейчас нахожусь?

Аркадия взглянула на меня с удивлением.

– Как где? В России, в Москве.

– Я понимаю, – отозвался я. – А кстати, какой сейчас год. Да ладно год, какой век хотя бы?

– Ну, ты даешь. Двадцать первый, конечно.

– Значит, во времени я, похоже, не переместился. В пространстве тоже. Тогда где же я нахожусь? Куда я попал? Как попал?

Чашка кофе застыла в руке плевриты. Она даже жевать перестала, так и окаменела с непрожеванным куском во рту.

– Пойми же ты, произошло что-то совершенно невероятное: либо я брежу последние сутки, причем брежу по полной программе, со всеми полагающимися спецэффектами. Либо вся моя предыдущая жизнь, с детством, юностью, знакомыми, любовными связями и прочее... вся она оказалась бредом. Хотя тоже очень реальным.

– Я ничего не понимаю – покачала головой сидящая напротив Аркадия. – Ты о чем?

– Что неясно? – Несмотря на свежее спокойствие утра, я, похоже, разволновался. – Я же говорю, я вчера утром вышел из дома, и с того момента все изменилось. Это идиотское преследование... затем ты. Я до вчерашнего утра не подозревал, что на свете существуют плевриты. Не говоря уже про остальные шестнадцать полов. Пойми, я жил в мире, в котором было только два пола: мужчины и женщины. И их было примерно поровну. То есть женщин побольше, конечно, но не намного. И я представления не имею, как я ухитрился оказаться... – Но она меня перебила.

– Только два пола?! – пробормотала она с непрожеванным куском во рту. Потом рассмеялась. – Как такое может быть? Вы же должны были с тоски помереть.

– А что, похоже, так и получилось: мужики и повымерли. Ты же сама говорила, что их, в смысле, нас, совсем мало осталось. От скуки или не от скуки, не знаю. Но вполне возможно, что и от скуки.

Я замолчал, Аркадия тоже перестала смеяться, все же о печальном разговор зашел, о почти полном исчезновении целого пола. Я собрался с мыслями и продолжил:

– Видишь, тебе теперь кажется, что я брежу. Но я клянусь, там, откуда я, всего два пола: мужчины и женщины. И больше никого. Поверь мне, я там жил много лет. Если бы были, я бы знал. Нет там больше никого. Ни плеврит, ни пчелок, ни психов... То есть психи имеются, но к сексу это никакого отношения не имеет. Обычные клинические психи из обычного двухполого мира.

– Поэтому ты меня за женщину принял? – наконец догадалась Аркадия. – И между ног полез.

– Ну да, – согласился я. – Я же никого другого не встречал, не знал, что иные принципы существуют. – Но главное, понимаешь, я из другого измерения. Я, своего рода, пришелец. И теперь основная задача разобраться, что произошло: где я сейчас нахожусь, как я очутился в этом шестнадцатиполовом мире и куда исчез мой двуполый? В котором я провел столько лет.

Я замолчал. Плеврита молчала тоже. Мы так и доели завтрак в полной тишине.

– Знаешь что, я все же побегу, я уже на репетицию опаздываю, – поднялась с кухонного стула Аркадия. – А главреж у нас не любит, когда актеры на репетицию опаздывают. Жутко ругается. А потом, после репетиции, сразу к тебе. Ладно? И все обсудим.

– Конечно, – вяло произнес я, заново погружаясь в свои мысли.

Я промучился несколько часов: ну, действительно, где я нахожусь? Как я сюда попал? Ведь на самом деле ничего, кроме многополости, не изменилось. Москва такая же – шумная, хаотичная, завлекающая. Архитектурный облик тоже, похоже, не изменился. Даже на улицах ездили знакомые, привычные машины, в основном иномарки – «форды», «тойоты», «мерседесы», но и наши отечественные тоже попадались. В общем, никаких существенных отличий. А

это означало, что я в том же времени, в том же городе... И тем не менее он другой, принципиально другой, ломающий мои устоявшиеся представления о жизни, о генетике, вообще о биологическом устройстве природы.

Конечно, я полтора года находился в полном добровольном заточении – роман писал. Из дома почти не выходил, только по вечерам, да и то раза два в неделю, не чаще, в магазин за продуктами набег делал. С людьми не общался. Только Люба ко мне иногда заскакивала, тоже по вечерам, мы с ней любовью занимались, а потом она уходила, я ее на ночь не оставлял. По опыту знал: оставишь – потеряешь для работы следующий день, а может быть, и еще пару. Захочет позавтракать вместе, придется вести ее куда-нибудь в кафе, затем еще один сеанс любви, полуденный, я расслаблюсь, потеряю концентрацию, выйду из режима, из правильного писательского состояния – он ведь требует погружения, отрыва от реальности. И все, прощай недописанная книга. Люба захочет в кино, в магазины, на вечеринку, и пошло, поехало – разлом, катастрофа, полная подмена меня. Кто придумал, что за каждым великим мужчиной стоит женщина? Полная чушь. Мужчина становится великим только вопреки женщине. А сколько мужчин не стали великими из-за того, что попали под женский пресс?

Стоп, ты отвлекся, перебил я себя. Основная, главная мысль заключается в том, что за эти полтора года мир настолько измениться не мог, чтобы в нем появились новые человеческие существа неведомых мне полов. Да еще взрослые, успевшие вырасти, пройти детство, отрочество. Значит, существуют два варианта: либо мне это снится, либо я куда-то все же переместился. Если снится, то рано или поздно я проснусь, и выяснится, что Аркадии не существует, а плевритная любовь – плод моей фантазии. Тогда о ней можно будет написать новую книгу. Потому что такого сюжетного поворота, по-моему, еще не было. Во всяком случае, я ничего подобного не читал.

А если я переместился, трансформировался... Тогда надо постараться понять, как такое могло случиться. С помощью какого механизма трансформация произошла? И куда именно? Где я нахожусь?

И тут меня осенило. Простая, сама по себе напрашивающаяся мысль. А есть ли в этом многополом мире люди, которые меня знают по прежней, двуполой жизни? Не переместились ли они вместе со мной? В принципе почему бы и нет? Если перемещение возможно, то почему только для меня? И главное, если они переместились, как они устроились? Не узнали ли они что-либо такое, что даст ответ на основной вопрос: где я нахожусь? И откуда взялся этот мир?

Конечно, я помнил телефоны моих друзей и знакомых. Из всех из них я выбрал двоих – во-первых, Любу, ту самую женщину, с которой у меня была любовная связь. Впрочем, насчет «любовной» я всегда сомневался. Дело в том, что после посещения моей скромной, холостяцкой квартиры она всегда спешила домой, где ее ждал добропорядочный, но требовательный муж. Ему Люба плела что-то свое, женское – про подружек, магазины, театры, а когда поначалу пыталась остаться у меня на ночь, то еще про «подругу на даче», у которой собирается заночевать. Если признаться, я ее посещения приветствовал, потому что проводить два года в полном, хоть и добровольном заточении все-таки немалая нагрузка. Которая к тому же нехорошим образом влияет на здоровье. Вот мне и требовалась разрядка. Хотя бы два раза в неделю, хотя бы на два часа.

Вторым я отобрал кинорежиссера Сашу Рейна, моего хорошего товарища, которого я знал давно и неплохо. Саню я отобрал не только оттого, что он был жизнерадостный, веселый, полный плотоядной любви к жизни, но и оттого, что он был абсолютный ловелас, бонвиван, сладострастник, иными словами. Он бил все известные мне рекорды по количеству соблазненных женщин. Вернее, не так: никого он особенно не соблазнял, просто благодаря его популярности, а главное, природной, неотразимой харизме женщины сами, как говорится, ложились перед ним штабелями. А некоторые, особенно настойчивые, готовы были на все, чтобы добиться его внимания. Всего он, конечно, не требовал, но кое-чем мог попользоваться. Я подумал, что если Саня тоже перемещен в этот мир, то было бы интересно узнать, как он со всем своим жизнелюбием к нему адаптировался. И не только интересно, но и поучительно.

Звонить из дома я не решился. Да и вообще, неплохо было бы прогуляться, подышать свежим воздухом. И посмотреть на Москву в многополом ее варианте тоже было бы занятно. Я оделся, привел себя в порядок – в смысле, причесался, почистил ботинки – и вышел из дома.

Что сказать, меня сразу обволокла, окутала, вовлекла в себя привычная, будничная Москва. Толпы туда-сюда снующих людей, поток газующих автомобилей, киоски, магазины, все хаотично, беспорядочно суетится, сжимается вокруг тебя плотными тисками.

Я стал приглядываться к прохожим – ничего подозрительного в глаза не бросалось: мужчины в джинсах и рубашках, иногда в костюмах, если спешили на службу после обеденного перерыва. Женщины в платьях, юбках, часто тоже в

джинсах, кто в туфлях на высоком каблуке, кто в чем-то поудобнее, менее притязательном. Я снова засомневался и в Аркадии, и в многопольной реальности, но главное – в самом себе. Не в бреду ли я, не померещилось ли мне все?

Я зашел в небольшой скверик, сел на скамейку, не спеша, внимательно начал присматриваться к прохожим. И медленно, постепенно стал замечать мелкие, едва выделяющиеся, едва заметные для моего ненатренированного взгляда несоответствия. Вот прошла женщина (вернее, это вчера я сказал бы, что она «женщина»), но что-то неправильное было у нее в фигуре, как будто она сконструирована чуть по-другому, с использованием нестандартных частей – слишком высокие, вплотную сдвинутые крупные груди, словно склеенные между собой. Да и бедра казались чересчур крутыми, они явно выходили за рамки обыкновенных, типично женских бедер.

Вот прошел вроде бы мужчина, но костюм сидит на нем, словно на вешалке с узкими плечиками, совсем не по-мужски. Вот тренировочной рысью пробежал по тенистой дорожке бегун в обтягивающем синтетическом спортивном костюме, я пригляделся: в том месте, где должно было хоть что-то обтягиваться, похоже, не обтягивалось ничего. Затем я обратил внимание на то, что некоторые прохожие как бы не попадали внутрь рамок ни женского, ни мужского пола. В основном находились где-то посередине (а иногда и в стороне), казалось, что если их раздеть, то непонятно станет, куда, собственно, их причислять. Нет, они были безусловными людьми, все надлежащие признаки присутствовали, и ноги, и руки, уши, носы, все выглядело разумно, по-человечески, но при этом – не до конца мужчины и не совсем женщины. Хотя и не гермафродиты. Что-то немного другое, повторяю, едва уловимое. Настолько «едва уловимое», что если не знать про многополость, то и не поймешь, в чем дело.

Потом я вспомнил, что и Аркадию я принял за женщину, хотя странность в ее охлаждающем, будто окутывающем пленкой взгляде подметил сразу. Подгоняемый свежей мыслью, я поднялся, вышел из скверика, двинулся вдоль улицы, зашел в первую же попавшуюся кофейню. Несмотря на середину рабочего дня, в помещении находились человек шесть-семь, я сел за столик посередине зала, начал заглядывать в глаза посетителей.

Ну как объяснить... Если я скажу, что глаза у всех были разные, ясно не будет. Нет, они не просто были разные – вот два маленьких ядерных реактора, в них постоянно что-то взрывается, потом утихает и взрывается снова. А в этих глазах

завихрились водовороты, что-то они втягивали, засасывали, а затем выбрасывали на поверхность, чтобы втянуть снова. Еще одни глаза вспыхивали отдаленными зарницами, как будто глубоко внутри происходили электрические разряды.

Подошла официантка, пока я заказывал кофе и круассан, я осмотрел ее немного непропорциональную, но по-прежнему привлекательную фигуру, заглянул в глаза. Волнообразность, вот что проступало в них. Природу этих волн различить было сложно, не то водяные, не то воздушные, но мечущиеся, беспокойные. Я вдохнул поглубже, выдохнул, снова вдохнул и все-таки решился:

– Простите, – сказал я как можно вежливее, хотя все равно рисковал схлопотать по морде прямо сейчас, без промедления. – Я учусь определять половую принадлежность по внешнему виду. Вы не подскажете: какого вы пола?

Что меня ожидало? Пощечина, полиция, могучие вышибалы? Я был готов ко всему.

– Я буравчик, – к моему величайшему удивлению, совершенно спокойно отреагировала официантка. – Я знаю, нас не так-то просто отличить. Я тоже раньше пыталась научиться определять, но потом бросила это занятие, постоянно ошибалась. Однажды думала, с лунатиком встречаюсь, а оказалось, что с паучком. А у меня на паучковых аллергия. Пару раз такой неприятный конфуз вышел. А психов от энергетиков, как вы знаете, тех вообще отличить почти невозможно. Вот я и бросила разбираться, решила, что спрашивать надежнее. Во всяком случае, не напорешься на то, чего не ожидаешь. А вы кто?

– Я мужик, – ответил я не без гордости и заметил, как волны в ее глазах (или «в его глазах», пойдя тут, разберись в родах) всколыхнулись свежим электромагнитным зарядом.

– Ой, правда, вы не шутите?

Я покачал головой, я не шутил.

– Я о вас только в журналах читала. Знала, что вы существуете, но не видела никогда. Надо же... – затараторила она и в задумчивой растерянности пошла за моим заказом.

«Вот оно, значит, что, – подумал я про себя, – оказывается, один пол от другого не так легко отличить. Даже для тех, кто здесь живет постоянно».

Выйдя из кафе, я оглядел улицу, мне нужен был телефон-автомат – самое время позвонить Сане Рейну. Но автомата поблизости я не обнаружил, поэтому, наверное, мой взгляд остановился на газетном киоске. Мне в любом случае требовалось купить телефонный жетон, и я подошел к киоску, он, как мозаикой, был выложен обложками модных глянцевых журналов. Я пробежал по ним взглядом, почитал заголовки – многополость всю перла из них наружу.

Например, вот заголовок, набранный крупным шрифтом на обложке журнала, называющегося по-английски «Big Bang»: «Как растянуть Большой Взрыв на полторы минуты». И ниже: «А вы можете создать Вселенную?».

Или журнал с названием «Мы – Паучки». На нем заголовок передовой статьи гласил: «Как окутать любимого теплом и заботой».

Журнал «Псих Дом» блестел гламурной обложкой с надписью «Не путайте Психа с Энергетиком. Наши энергазмы заковыристее».

Были журналы и еще более узкой направленности. Например: «Придурки и Лунатики – десять путей соприкосновения. Секреты счастливой семьи».

Или: «Гороскопы на неделю. От Эйнштейнов до Химиков». Эти журналы выглядели не такими яркими, не такими глянцевыми, видимо, выпускались меньшими тиражами. Но тоже наверняка рентабельными.

– Дайте мне, пожалуйста, телефонную карточку и еще журнал «Мужское Братство», – попросил я сонную киоскершу. (Или киоскера. Я совсем запутался в этих трех родах родного языка.) Услышав про «братство», она оживилась.

– Последний экземпляр остался, – поделилась она со мной новостью. – Всегда расхватывали пуще других. Понятное дело – о раритетах всем почитать интересно. Жизнь у них эксклюзивная, сотня-другая на всю Москву осталась. К тому же все они заметные: ученые, писатели, режиссеры – вот людям и интересно, чего они в следующий раз учудят. Так что всегда журнал разбирали. А последнее время просто сметают с полок. Когда это дело с пропажами

началось.

– Какое дело с пропажами? – поинтересовался я.

– Ну как же. – Лицо киоскерши выразило удивление. – Вы чего, не знает? Пропадать стали. Вон, вчера Алексей Рубинштейн исчез, вы слышали наверняка, врач-кардиолог. Он какую-то новую методику изобрел, об нем много писали год тому назад. А тут исчез. Жена домой пришла, она у него релятивистка, а его в квартире нет. Так и не объявился. Это уже восьмой мужик за последний месяц пропадает. – Она наклонилась ко мне и проговорила, будто с опаской, заговорщицким голосом: – Тут ко мне один подходил, рассказывал, похоже, разбирается... Говорил, что на мужиков охота пошла. Кто, зачем – неизвестно. Уже и ФСБ этим делом заинтересовалась. Ясное дело, мужики у нас народное достояние. В Красную книгу внесены.

– И какие версии? – проявил я заинтересованность. – Что говорят, кому их похищать надо?

– Да кто его знает, – еще более осторожно прошептала киоскерша. – Может, это их ЦРУ выкрадывает. Они мужиков со всего света к себе всегда свозили. Они у них в почете. Помните, атомную бомбу в свое время разработали. Голливуд создали, ихний Вол-стрит, Лас-Вегас, да и много чего. У них вообще вся экономика и культура на мужиках построена. У них там считают, чем в стране мужиков больше, тем страна больше процветает. А где их нет, такой стране кранты. В Африке, например, я сама читала, вообще мужиков нема, одни биг-бэны. Вот у них сплошной «бэн» и происходит. Плодятся, как кролики, а толку никакого. А еще на Востоке...

Но я ее перебил:

– Чего-то я не уверен, что ЦРУ насильно их в Штаты привозит. Похищать, перевозить через границы, и не одного-двух, десятки, а то и сотни. – Я в сомнении покачал головой. – Маловероятно.

– То-то и оно, – поддакнула мне киоскерша. – Этот человек говорил, что это наши сами мужиков воруют. – Тут я изобразил изумление на своем лице. – Он сказал, что это силовые органы их похищают, чтобы потом на черных свалить.

– На черных? – переспросил я.

– Ну да, на всяких горных, – пояснила киоскерша. – Что это, мол, их работа. Чтобы повод был... Понимаете?

Но я не понимал:

– И куда же их тогда девают? Неужели убивают?

– Ты что, – замахала она на меня руками. – Как это можно мужиков убивать? Нет, свозят их в специальный центр, и они там разрабатывают для страны всякое-разное: оружие, компьютеры, телевизионные передачи.

– А где этот центр, на Колыме, что ли? – вспомнил я недалекое печальное прошлое.

– Ты чего, сынок. На какой Колыме? Под Москвой специальный центр строят. Не то Сколково, не то Пулково называется. Вот туда их и свозят. Да и то, пусть работают на благо отчизне.

– Плохо в это верится, – покачал я головой. – Чтобы насильно свозили. Рано или поздно все равно откроется. Да и зачем насильно? Предложили бы хорошие условия, зарплату, свободу для творчества, мы бы сами туда переехали. Недалеко ведь, под Москвой.

– Ну, не знаю, – согласилась со мной киоскерша. И тут до нее дошло: – А чего, ты тоже мужик, что ли?

Я понял, что проговорился. А напрасно. Ситуация, похоже, для нас, мужиков, ненадежная. В памяти сразу возник человек в спортивной куртке с рыжеватой щетиной, иномарка с затемненными окнами, от которых меня увезла прочь моя плеврита.

– Нет, какой я мужик, – пожал я беспечно плечами. – Я лунатик. Нас, лунатиков, всегда с мужиками путают.

– Ну да, ну да, – закивала головой киоскерша. Ее интерес ко мне сразу остыл.

Я шел вдоль по улице в поисках телефона-автомата, на ходу перелистывая журнал «Мужское Братство».

«Механические часы ручной сборки всегда надежнее и точнее. Да и стоят дороже», – гласил заголовок на первой странице.

«Рудимент или атавизм?» – задавал вопрос доктор философских наук Нихфраузен, сам, судя по фотографии, мужик.

Я пролистал несколько страниц. Ага, а вот и интервью с моим дружкой Саней Рейном. Значит, я сразу могу сделать два важных вывода. Во-первых, он либо переместился вместе со мной, либо находился здесь всегда, в своей другой, параллельной жизни. Это и надо узнать, если удастся с ним встретиться.

Во-вторых, он по-прежнему мужик, раз печатается в глянце «Мужское Братство». В-третьих, он по-прежнему занимается телевидением и кино, режиссер или продюсер, я точно не знал, главное, что его судьба здесь не изменилась – кем он должен быть, тем и стал.

Впрочем, хватит догадок и предположений, пора было почитать интервью. Называлась статья достаточно двусмысленно:

«На каждый вкус не угодишь. Или все-таки угодишь?».

Первый вопрос журналистки:

«Александр, вечный вопрос для человека, посвятившего жизнь искусству: должны ли вы ориентироваться на большинство, то есть на пчелок и психов, или должны подключать все многопольные слои зрителей?»

«Как известно, – отвечал мой товарищ по старой, упрощенной, двупольной жизни, – потребности отдельных полов могут весьма сильно различаться. Это означает, что и вкусы различаются тоже. Конечно, можно ориентироваться на подавляющую часть аудитории, на большинство, иными словами. А для половых меньшинств создавать параллельные спутниковые программы. Но мы пошли по иному пути. Мы в студии «Мотор 16» считаем, что настоящее искусство выходит за рамки отдельного пола. Мы считаем, что настоящее искусство всегда

многопольно.

Возьмите, например, Толстого. Да, Анна Каренина выведена, безусловно, как «пещерный», «гормональный» образ, но это не означает, что ее судьба может оставить кого-либо равнодушным. Независимо от половой принадлежности читателя. А Достоевский, например, вообще не определял пол своих героев. И думаю, умышленно. Пойдите, догадайтесь: кем был князь Мышкин? Не понятно, не известно, автор этого не уточнил. Наверняка умышленно. Псих он, или придурок, или лунатик? А может быть, и химик? Или энергетик? Но, как выясняется, это и не важно. Главное, чтобы искусство трогало за душу, чтобы читатель, а в нашем случае зритель, ассоциировал себя с героем, стал его частью.

Вообще, если воспринимать жизнь творчески, 16-полье – не преграда для настоящего художника, а наоборот, возможность для еще более полного самовыражения. Выйти за границы конкретного, узкого, стать и психом, и буравчиком, и придурком, и даже релятивистом – всеми одновременно... Да, я не оговорился, и релятивистом в том числе. И при этом оставаться мужиком – вот задача истинного творца».

Где-то я уже читал подобное, – подумал я, – и про аудиторию, и про выход за рамки, про настоящего художника. Похоже, независимо от количества полов в мире, тематика не особенно меняется. Впрочем, про князя Мышкина подмечено метко, я никогда в таком неожиданном ракурсе о нем не думал.

Я перевернул страницу. На целом развороте была размещена яркая реклама: «Любая механика требует профилактики – Виагра по самым низким ценам!» – прошивали разворот красочные, наборные буквы. А потом ниже: «Смазывай, чтобы не заржавело». Я поморщился: как-то после рассуждений об искусстве и творчестве – слишком резкий переход.

Я подошел к большому торговому центру, здесь уж наверняка должен был находиться телефон-автомат. И действительно, я нашел его на первом этаже, чуть правее входа в магазин игрушек. Интересно бы посмотреть: в какие игры играют многопольные дети? – подумал я. В те же, привычные, в какие я играл, или у них для каждого пола свои игрушки. У нас ведь тоже куклы были для девочек, пистолеты и машинки – для мальчиков. Впрочем, времени на магазин сейчас не оставалось. Как-нибудь в другой раз, решил я.

Я пошел к телефону, вставил в прорезь карточку, набрал Сашин номер, я помнил его по памяти. Вскоре в трубке раздался его жизнерадостный голос с характерной неброской хрипотцой. Я сразу узнал его: конечно, этот голос никому другому принадлежать не мог, только ветреному, неразборчивому в связях, любимчику женщин Сане Рейну.

– Привет, Сань, – проговорил я на правах старого товарища. – Как дела, старикашка? Как поживаешь?

Небольшая пауза в ответ, потом немного неуверенное:

– Чего-то я с ходу не врубаюсь. Не узнаю. Ты кто?

– Иван. Иван Гольдин, – представился я. Хотя в принципе мог и не представляться, обычно он меня узнавал по голосу так же безошибочно, как и я его.

– Иван? Какой Иван? Мы знакомы?

Вот я и попал впросак. Оказывается, он меня не знает. Выходит, он не перемещался вместе со мной, он всегда здесь находился. И при этом был все тем же Саней Рейном, с той же самой кинематографической профессией, с тем же самым голосом, даже с тем же номером телефона. Впрочем, времени для рассуждений у меня не оставалось, надо было выпутываться из создавшейся деликатной ситуации.

– Мы знакомы, но заочно, – сделал я первый обманный ход. – Я редактор журнала «Мужское Братство». Мы только что поместили интервью с вами, я его прочитал и хотел бы с вами встретиться.

– Зачем? – В Санином голосе по-прежнему звучала настороженность.

– Понимаете, мне очень понравились ваши мысли. Рассуждения об искусстве, о кинематографе, о выборе аудитории, о том, что художник не должен от нее зависеть, не должен идти на поводу... Глубоко вы проникли в тему. Вот я читаю и думаю: а не устроить ли нам целую серию интервью, скажем, на двенадцать номеров? Чтобы вы имели возможность поговорить не только о творчестве, а

рассмотреть и другие аспекты нашей жизни. Уверен, читателю «Мужского Братства» будет интересно. А тиражи нашего журнала, как вы знаете, растут как на дрожжах. Всех интересует наш мужицкий взгляд на жизнь.

Саша молчал, не возражал, и я подвел черту:

– Обычно интервью журналисты проводят, а затем материалы для меня готовят. Но у нас проект непростой: передать ваше мировоззрение, ваше видение мира требует большего, чем просто вопросы задавать. Поэтому я и думаю, а не взяться ли мне самому.

– Значит, на двенадцать номеров, говорите, – повторил за мной Рейн уже успокоенным голосом. – Что же, это интересно. И когда начнем?

– Да хоть сейчас. Чего тянуть. Я могу подъехать к вам в течение получаса. Сядем где-нибудь в кафе, побеседуем. А через три дня я вам материалы передам для вычитки.

– Прямо сейчас? – повторил за мной Саня. – Вообще-то у меня дела, встреча. Ну, хорошо, я смогу ее перенести ради такого дела. Знаете «Кофеманию» у Консерватории? Давайте в ней через сорок минут.

Конечно, я знал «Кофеманию». Мы в ней сиживали с Саней не раз в двупольном нашем мире, рассматривая всяких гламурных девушек, которые туда по вечерам залетали. Некоторые из них оказывались ближе к ночи в постели все того же Саши Рейна.

Дорога до Консерватории как раз заняла около получаса. Я дошел до Садового, перешел по подземному переходу на противоположную сторону, завернул направо до Никитской, до нее оставалось метров триста, не больше. А по Никитской дойти до Консерватории еще минут пятнадцать, двадцать. Эта многопольная Москва полностью повторяла Москву из моего прежнего, двуполого мира – те же опрятные, покрашенные либо в светло-голубое, либо в светло-желтое особнячки, скромные, будто специально забившиеся в самые укромные уголки церквушки. Видимо, от этого мне стало привычно, комфортно и даже спокойно на душе. Конечно, я не забыл об опасности – в принципе мой собственный дом находился совсем недалеко. Но почему-то я был уверен, что мне повезет и я не наткнусь на недавних моих преследователей.

Сашу Рейна я заметил издали – он расположился на улице за столиком, возвышаясь своей пышной кучерявой шевелюрой. Я подошел, представился:

– Иван, из «Братства...», главный редактор.

– Самый главный? – пошутил Саша.

Нет, он не узнавал меня. Значит, теперь можно было сказать с полной уверенностью: он не переместился вместе со мной, он находился в этом многополюсном мире всегда. А в том, двупольном мире существовал другой Саша Рейн, параллельный, так сказать, – точно такой же, но другой.

И вдруг меня пронзило: я и попал в самый настоящий параллельный мир. Я ведь читал, что современная физика предполагает наличие параллельных миров, у них даже несколько теорий на эту тему имеется. Впрочем, сейчас было не время и не место для отвлеченных рассуждений, сейчас надо было концентрироваться на Саше.

– Главнее не бывает, – ответил я игривостью на игривость, и Саша, как ему и полагалось, заржал обаятельным, зажигательным смехом.

Я заказал себе кофе, от Сашиного же стакана, несмотря на ранний еще день, исходил дымный, душный запах заморского скотча, я склонился над столом, расчленив разделяющее нас расстояние пополам, заглянул ему в глаза.

– Александр, сначала, как говорится, без протокола, чтобы нащупать общую для нас территорию. – Он закивал, соглашаясь. – Вот скажите, за вами, как вы наверняка слышали, укрепилась репутация... – я чуть было не сказал «бабника». «Двупольное» слово уже почти выпорхнуло, я удержал его на самом выдохе. – ...Репутация ловеласа. Вы знаете, конечно, что о вас пишут порой, говорят. У меня даже сложилось впечатление, что вы умышленно поддерживаете это представление. Работаете, так сказать, на образ.

Я заметил, как Сашины глаза чуть сузились, теперь они вглядывались в меня более внимательно.

– А вы, я смотрю, перед нашей встречей поработали на совесть. Материалом владеете.

Я лишь скромно кивнул. Не объяснять же ему, что в том, другом, двуполом мире у меня было много месяцев и лет, чтобы овладеть материалом.

– Вот я и хочу спросить: исходя из вашего опыта, кто из полов вам в большей степени симпатичен? У вас есть предпочтения? Или вы какой-то пол все-таки дискриминируете? – И я первым засмеялся, пытаюсь растопить, расслабить атмосферу.

– В каком смысле? – не понял Саша или сделал вид, что не понял.

– Как в каком? В том самом, в сексуальном, конечно, – уточнил я и тут же оговорился: – Обещаю, что ничего из сказанного сегодня без вашего одобрения напечатано не будет.

Теперь уже густой Сашин смех разлетелся по улице.

– Никого я не дискриминирую, ни сексуально, ни не сексуально. Если найти правильный подход к человеку, то любой, независимо от половой принадлежности, может оказаться абсолютно восхитительным.

– Александр, – я протянул руку, дотронулся до его предплечья, это движение, как известно, предполагает доверительность, – мы же договорились, что без протокола... Оставьте политическую корректность для другого, более официального случая... Мы с вами мужики, мы отлично понимаем, что все одинаковыми быть не могут, что это противоречит природе, именно для того она и создала нас разными, чтобы мы отличались. В различии наша сила и заключается. В различии, а не в однообразии.

– А вы не похожи на обычного журналиста, – после паузы сделал вывод Саша. – Что-то в вас есть особенное, не типичное. Почему-то вы вызываете доверие. Даже не знаю почему, но мне, например, вообще хочется вас звать на «ты».

– И замечательно, – подхватил я. – Давай перейдем на «ты». Кто знает, может быть, в другой, параллельной жизни мы уже давно на «ты».

Он улыбнулся вслед за мной, закачал головой, поддакивая. А я подумал, что симпатия, видимо, не ограничена рамками одного мира. Симпатия, как и любовь, фатальна, она предопределена и тоже может успешно переключиваться из одного пространства в другое.

– Значит, ты, Вань, интересуешься, с кем трахаться лучше всего? – сразу сменил тон и терминологию мой собеседник, теперь он полностью совпадал с тем, другим Саней Рейном. – А сам, что ли, для себя еще не решил? Они же на нас, на мужиков, как пчелки на нектар слетаются. Все слетаются, без исключения. А ты мужик отчетливый, от тебя за версту мужиковатостью несет. Сам наверняка не хуже моего в вопросе разбираешься.

– Конечно, у меня есть собственное мнение, – снова соврал я. – Но меня твоё интересует. К тому же у тебя, Саш, наверняка выборка больше. В смысле, сексуальный опыт. Смотри, как ты быстро во мне мужиковатость разглядел. А я, например, не всегда с ходу могу половую принадлежность определить.

Рейн вылупил на меня глаза:

– Ты шутишь?

– Нисколько, – покачал я головой. – А ты чего, сразу можешь отличить психа от энергетика?

– Конечно. Вообще без проблем. Я их всех с пол-оборота отличаю. А как их можно спутать? Они же такие разные.

Теперь вслед за Саней удивился я:

– И как ты их различаешь? По каким признакам? Мой новоявленный товарищ (он же староявленный товарищ) задумался. Потом начал, но не совсем уверенно:

– Да ни по каким признакам. Чувство у меня такое шестое. Веет от них по-разному. Понимаешь, вайб от всех отчетливо разный идет. Неужели сам не чувствуешь?

– Не всегда, – сознался я. – Вот, например, я точно не знаю, какого пола эти ребята... там... на самом верху. – Я крутанул глазами, указывая ими наверх. – Слухи, конечно, всякие ходят, но точно не знаю.

Сашина физиономия чуть скисла, из нее тотчас улетучился налет нахрапистой самоуверенности.

– Тебе же известно, что об этом открыто не принято говорить. Не поощряется. Особенно с вами, журналистами.

– Но у нас же строго конфиденциально, – заверил я. – Ты же понимаешь, что дальше меня никуда не пойдет. Я обещаю.

Я знал, что Саня свои мысли, даже самые сокровенные, удерживает с трудом. Особенно от меня. Вот и сейчас он не удержал.

– Ладно, тебе, Вань, скажу. Эти, конечно, настойчиво под мужиков косят... Но все нормальные люди-то понимают... Ты ведь тоже наверняка сам догадываешься. Не можешь не догадываться.

Тут я подумал, что совсем не разбираюсь в текущей политической ситуации в их многопольном мире: запараллелился ли руководящий состав государства, как, например, сам Саня Рейн, или нет? Да и вообще, соответствует ли их государственное устройство тому самому, из которого я вышел? Может, у них здесь по-другому? В любом случае я решил политическую тему не развивать. В конце концов, кого она волнует? Вместо политической я вернулся к единственно важной теме – сексуальной.

– Так с кем, Саш, секс самый лучший? Как ты считаешь? Он откинулся на спинку стула, задумался, не спеша с ответом.

– Непростой вопрос. Я сам себе его часто задаю. И честно говоря, каждый раз по-разному отвечаю. В зависимости от ситуации, от жизненных обстоятельств. И знаешь, к какому выводу я в результате пришел? – Саша навис над столом, придвинул ко мне лицо, как будто хотел сказать что-то очень важное. – Самый большой кайф именно в разнообразии. Понимаешь, в смене ощущений, в череде. А с точки зрения техники... это совсем несложно. Главное, к каждому полу правильный подход найти. Чтобы и партнеру в удовольствие, и тебе самому. С

биг-бэном, например, что важно? Важно не бояться, принять удар по полной, не отражать его. А то, если начнешь отражать, сам знаешь, что может случиться. – Я не знал, но все равно кивнул на всякий случай. – Потом проблем не оберешься, да и на здоровье плохо действует. А если расслабиться и принять, не отвергая, – где еще до такой нирваны дойдешь?

Я снова кивнул. Рейн помолчал, подумал, затем продолжил:

– А релятивисты, эйнштейники эти. Тех совсем по-другому надо воспринимать. С ними вопрос в большей степени философский – в такую черную дыру могут загнать, так накрутить, потом и назад выбираться не захочешь. Нет, с ними открытым надо быть, не зашориваться. Зашоренность – она всегда нехороша. Ну а про 4D-эшников и так понятно. Там главное – органы чувств суметь открыть пошире: слух, осязание, обоняние, ну и прочее.

Короче, к чему я это веду... К тому, что ко всем подход надо разный иметь. И если имеешь, тогда у тебя все козыри на руках. Тогда скучать не придется.

– А с женщинами как? – решил задать я Саше каверзный вопрос. То есть это он мне всегда казался каверзным.

– С гормонками-то... А что с гормонками? С ними проще всего. Они же тоже механические. Подстраиваться под них, конечно, непросто бывает, пещерки у них расположены достаточно неудобно, но это даже забавно. Хотя, конечно, что там говорить... Механика у них простоватая, на основе трения организована, примитивно выглядит, если, скажем, с теми же лунатиками или с химиками сравнивать. Но с другой стороны... – Он помедлил и обобщил философски: – После изыска нас порой к простоте тянет. К базовым, вечным ценностям.

– А к ним какой подход нужно иметь? – поинтересовался я. – Чтобы в полной степени оценить?

Рейн покачал головой, как бы удивляясь моим наивным вопросам.

– К женщинам какой подход? – повторил он за мной. – Искренним с ними надо быть и откровенным, и причастным. И еще душевным. Они за причастность и искренность на все готовы. Так отзываются, душу готовы отдать. А вот лукавство, всякое лицемерие очень четко интуичат. И тогда от них ничего не

добьешься. В смысле, никакого отклика. А если отклика глубинного нет, тогда с ними вообще бессмысленно... Это с пчелками можно как угодно, любую лапшу навешивать, им ведь главное – наша пыльца нужна, а душевные, глубинные рефлексии им совершенно по барабану. Они будто по поверхности ползают, нектар собирают. Нет, с пчелками все просто и непритязательно, у меня от них всегда настроение хорошее, послевкусие такое сладкое.

– А плевриты? Как с ними? – на всякий случай поинтересовался я у более опытного товарища.

– Чего там говорить, плевриты клевые. Они от нашей механики балдеют по полной. Остальные, конечно, тоже балдеют, но плевриты больше других. Устроены они так, энергию нашу мужицкую лучше всего улавливают и впитывают. А когда впитают, такое у них начинается... – Он засмеялся, махнул рукой. – Я один раз двадцать три часа будто в коматозе пролежал, вообще вырубился на сутки, представляешь? Когда очухался, долго ничего понять не мог: где, когда, для чего? – Он опять засмеялся, казалось, что его бархатистый смех покрывает все кафе, его столики, зонтики над ними, посетителей, под ними сидящих. – Только осторожно с ними надо, с плевритами. Зацикливает их быстро. Поэтому с ними все уравновешено должно быть, в меру. А то недолго и проблем нажить с ними.

Я хотел было спросить, что означает «зацикленность», но вовремя удержался – наверняка это здесь привычный термин. Вот я бы и сел в лужу. Саня сразу бы почувствовал, что со мной что-то неправильно, и насторожился бы. В результате я так и не узнал, почему от «зацикленности» плеврит проблемы возникают. А как выяснилось впоследствии, узнать бы не помешало.

Образовалась пауза. Элитный режиссер Саша Рейн потягивал свой крепкий напиток, я свой, некрепкий. Но пауза не давила, она являлась разумной передышкой перед новым откровением Рейна.

– Конечно, шестнадцать полов маловато, – наконец продолжил Саня, – особенно не разбежишься. Вот если, скажем, хотя бы тридцать два было, тогда можно было бы попытаться скорость набрать. А тут, на шестнадцати, пойдешь разбегись... Но привередничать тоже не надо, довольствуйся тем, что есть, во многих местах люди куда как хуже живут. Я недавно в Голливуд ездил, так у них один сплошной мрак – артисты все, как на подбор, либо психи, либо лунатики. Очень редко, когда энергетики попадают. Такая сукотища – живут друг с другом

годами, зацкливаются по полной, вообще никакого выбора. Оттого и фильмы у них один на другой похожи, ни разнообразия, ни фантазии, ни полета мысли. Они, как узнали, что я мужик, упрасивать стали, чтобы я им материалчик свеженький подкинул. Золотые горы сулили. Но где я им найду? У нас, конечно, жизнь повеселее, выбора больше, да и сюжетов навалом, главное – уметь приглядеться повнимательнее... Но кто их для Голливуда разрабатывать будет? У нас у самих мужиков наперечет, и те все при деле. Никто на эту голливудскую дребедень размениваться не будет. А если каких-нибудь релятивистов взять или огородников, они тебе такого напортачат, такое окучат. Нет, лучше с ними не связываться, менеджеры из них неплохие, конечно, администраторы разные, но творчество им противопоказано. Поверь мне, я давно это понял. Пока он говорил, меня вдруг осенило.

– А давай я им чего-нибудь смастерю, твоим друзьям из Голливуда. Я ведь как раз по литературному делу. Я им запросто чего-нибудь изобрету. Платят-то они хорошо?

– Да с деньгами проблем нет, – заверил меня мой товарищ. – Главное, чтобы идея хорошая была.

– Идей сколько угодно. Вот, например... Представь себе мир, в котором существуют только два пола. Не шестнадцать, как у нас, а всего два.

– Как это всего два? – не понял Саня.

– Вот так, сплошное двуполье. Только механические: мужчины и женщины. И их почти поровну. Ну, мужиков, может, чуть меньше, как всегда. Но ненамного. Не как здесь, у нас.

Рейн сразу сосредоточился – бравурная, поверхностная накипь тут же соскочила, и передо мной оказался вдумчивый, внимательный киношник-профессионал. Впрочем, я-то знал, что Саня серьезный, крепкий режиссер, он к делу всегда относился серьезно.

– Так, так, интересно. Это что-то новенькое. Такое, по-моему, никому еще в голову не приходило. Оригинально.

– Ага, что-то типа научной фантастики, – подхватил я.

– Научного здесь мало, конечно, – не согласился Саня. – Если по науке, так они давно вымереть должны были от скудности вариантов. Сколько можно друг дружку трахать, кто такую скукотищу выдержит, это любому оскомину набьет. Секс бы вскоре на нет сошел, а вместе с ним и рождаемость.

– Теоретически что-то подобное и должно было бы произойти. Но они приспособились. Человеки ведь существа выживаемые. В этом, собственно, изюминка всего сюжета и заключается: чего они только не придумывают, как только не изощряются, чтобы свое двуполое однообразие скрасить. Вот, например, такая история...

Историй у меня легко хватило часа на два. В моей прошлой жизни их было не сосчитать – я бы мог не два часа рассказывать, а два года. Саша хохотал искренне, не сдерживаясь, на нас оглядывались люди с соседних столиков, улыбались, глядя на Сашу, а я только подбрасывал дровишки в нехитрую печурку своей недавней двуполой жизни.

В принципе это было делом техники: в живые истории я вставлял расхожие анекдоты из серии «муж возвращается из командировки» (я вычислил, что в их многополой жизни подобной тематики быть не может). Потом подмешал немного драмы, эмоциональных всплесков, в общем, на глазах у восторженного Рейна смастерил такой многослойный пирог, который хотелось слизывать и пробовать на вкус и вообще зарыться в него всей мордой. Наконец я закончил рассказ, выждал, пока мой собеседник успокоится, промокнет глаза салфеткой, снова сможет серьезно говорить.

– Знаешь что, Вань, – сказал он и утвердительно качнул головой. – Давай, фигачь. Пиши. А я пристрою. Может, сам возьмусь за съемки. Сделаем с тобой заметное кино. Ты как напишешь, звони мне сразу. А интервью для твоего журнала мы тогда отложим. Чтобы не отвлекаться. Лады?

Я пожал его большую, широкую лапу и отправился домой. Аркадия наверняка уже вернулась с работы и поджидала меня. Может быть, и волновалась даже, что меня долго нет.

Моя плеврита действительно меня ждала. Сначала мы пообедали, Аркадия приготовила что-то такое, чего я никогда прежде не ел, – насыщенное, но легкое одновременно.

Потом мы снова занимались любовью, снова долго, я очнулся только под утро. Уже рассвело, голова Аркадии покоилась у меня на плече – легкая, почти невесомая. Гибкая, бескостная рука была переброшена через мою грудь, она тоже ничего не весила.

– Ты не спишь? – зачем-то спросил я, отлично зная, что она пристально разглядывает меня. Наверное, от ее взгляда я и проснулся.

– Нет, смотрю на тебя, – ответила Аркадия. – Думаю: как же так получилось? Откуда ты взялся в моей жизни? Как будто с неба свалился.

– Похоже, откуда и свалился. – Я потерся щекой о ее лоб. – Может быть, и с неба. Ведь это какая-то абсолютная фантастика. Где я нахожусь? Как я попал в ваш многополюсый мир. И откуда он взялся? Не бред ли это какой-то? Может быть, я в забытьи? И брежу? Что со мной произошло?

– Или это я брежу, – повторила за мной Аркадия. – Постоянно думаю, что засну, потом проснусь, а тебя не будет. Что ты сон. Оттого и гляжу на тебя, сторожу, чтобы ты не улетучился.

Я покачал головой, снова притерся щекой к ее коже.

– А самое странное, что ты выглядишь совершенно реальной, – промолвил я в ответ. – Все в тебе материально, реально. Проще было бы, если бы тебя не было, если бы всего вашего мира не было. Но ты есть. Вот я трогаю тебя, целую, слышу тебя – ты точно есть. И мир есть. Я вчера его изучал, все в нем тоже разумно устроено. Но если ты и твой мир – реальность, то где же он был раньше? И где мой мир, тот, в котором я жил? Не понимаю. И мне страшно от того, что не понимаю.

Она тихо счастливо засмеялась.

– Глупенький, ты так говоришь смешно. Со мной еще никто так не говорил. Да оно и понятно, я в жизни ни одного мужика до тебя не встречала. – Она помолчала немного, а потом попросила: – Расскажи лучше о своей жизни в том мире, откуда ты пришел. Как ты жил? Чем жил? О чем думал? Мечтал?

Я задумался.

– Даже не знаю, что рассказывать. Я ведь писатель. Жил своими книгами, сюжетами. Чтобы написать хорошую книгу, надо внедриться в нее, самому стать ее героями, всеми сразу и каждым в отдельности, прожить с ними их жизни. Тут отвлекаться невозможно. Отвлечешься, выйдешь из этого состояния – и сразу упустишь что-то важное. И не получится у тебя уже больше. Какая-нибудь поделка получится, конечно, просто на мастерстве выстроенная, но ни глубины, ни чувства, ни души в ней не будет. Понимаешь, прожить надо книгу, вдохнуть в нее душу... Чтобы ворота сверху открылись, которые обычно закрытыми бывают, и часть тебя туда, наверх, просочилась. Но и сверху что-то должно спуститься, снизойти на тебя, что-то должно запасть в тебя и закрепиться. Часть чего-то нового, что тебе прежде было незнакомо, несвойственно.

– Куда, откуда? – тихонько спросила Аркадия.

– Не знаю, – признался я. – Может быть, на небеса. Ты же сказала, что я с неба спустился.

И вдруг меня пронзило. Остро, больно. Кажется, я даже вскрикнул от этой неожиданной остроты.

– Что с тобой? – Аркадия приподняла голову, обеспокоенно взглянула на меня.

Но я не стал ей объяснять. Я не мог больше спокойно лежать на кровати, резким движением высвободился из-под ее руки, соскочил, натянул на себя трусы. Мне нужно было движение, просто необходимо – я потер руки, затем запустил пальцы в волосы, затем стал мерить комнату скорыми, нервно торопливыми шагами, от одной стенки к другой. И назад.

Аркадия приподнялась на подушках, оперлась рукой о кровать.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросила она.

– Видишь ли... – начал я взволнованно, не переставая измерять шагами расстояние от одной стены до другой. – Я книгу писал. Полтора года из дома не выходил. Я же объяснял: максимальная изоляция от внешнего мира, чтобы

создать свой собственный... Чтобы ворота эти, о которых я только что говорил, открылись... И видишь, что получается... получается, мне удалось... – Я осознавал, что говорю сбивчиво, несвязно, что она меня, скорее всего, не понимает. Но это было не важно. Главное, чтобы я сам себя понял. – Я создал мир. И создавая, я погрузился в него с головой. Понимаешь, я открыл ворота! А когда закончил писать и вышел на улицу, они не успели закрыться. И, по-видимому, я в них провалился. И провалившись, попал к вам, в ваш, параллельный мир. Который только тем и отличается, что он многополюс.

Я снова сбился. Слишком нелепое было предположение, почти невероятное... Но другого ведь и быть не могло. Аркадия смотрела на меня, ее глаза стали серьезными, казалось, что она думает о чем-то.

– Расскажи, о чем твоя книга?

Я присел на краешек кровати, задумался – не так-то легко несколькими фразами описать сложный, многослойный сюжет, изложенный на более чем пятистах страницах.

– Там про мужчину, он доктор, известный врач. Не очень молодой, уже за сорок, зовут его Макс Теллер. Ему приходит в голову мысль, что мир, который его окружает – люди, дома, машины, деревья, небо, океан, вообще весь земной мир с его ощущениями, звуками, запахами... что этот мир нереален. Что это вообще чья-то шутка. Понимаешь? А мы думаем, что эта шутка – и есть единственная объективная реальность. Потому что мы не можем представить себе никакую другую реальность. Потому что человеческий ум ограничен, он не может создать того, что не видел прежде. Это научно доказанный факт.

Я сбился, задержался в паузе, снова попытался сосредоточиться, чтобы не растекаться, не уходить в сторону.

– Он, этот Макс Теллер, не сразу приходит к такой мысли. Много его наводило на нее и прежде. Всякие совпадения, кажущиеся случайности, необъяснимая, словно predetermined черед событий. Но он же врач, ученый, он их мимо себя не пропускал, как мы в основном пропускаем, он их фиксировал, набирал статистику, анализировал и в конце концов пришел к выводу, что мир, в котором мы живем, нереальный. Что его вообще нет, что он не существует. В общем, там идут достаточно сложные размышления, я их сейчас приводить не буду,

хорошо? – поднял я глаза на Аркадию. Она смотрела на меня не отрываясь. – Но тогда возникает вопрос: а кто именно создал этот мир? Чья, собственно, это шутка? А что, если его самого, Макса Теллера? А что, если он и есть создатель мира? А все остальное – плод его воображения: люди, деревья, небо, океан, города. Может быть, он создал мир для самого себя и построил его именно так, как ему это захотелось. Ведь согласись, он полностью может быть уверен в реальности только одного человека – себя самого. А остальные – возможно, лишь призраки, видения, результат активной работы его органов чувств. Иными словами, человек видит, слышит, осязает, обоняет и при этом думает, что все то, что он осязает и обоняет, – и есть реальность. Но тот факт, что ты видишь и осязаешь объект, еще не означает, что объект существует. Бывают же миражи. И получается, что реальность – это всего лишь результат работы наших органов чувств. А органы чувств могут обманываться. А значит, нет доказательства, что реальность – реальна. Я прервал монолог, перевел дыхание, продолжил: – Вот, доктор Теллер и решает, что он и есть истинный создатель нашего мира. Что мир – его эксперимент, его «научный проект». Да и он сам, Макс Теллер, врач и ученый, он сам тоже не существует. Во всяком случае, в том виде, в котором он себя ощущает и видит, например, в зеркале. Потому что он – истинный, реальный создатель мира – он имеет совсем иную природу, совсем иное физическое построение. А то, что он видит в зеркале, – это тоже обман органов чувств. Понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/toss_anatoliy/fantazii-muzhchiny-srednih-let

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)